B152 161
3.

Л. Шишко.

B152 161

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ Русской исторіи.

Часть третья.

Цѣна 65 к.

ПЕТРОГРАДЪ.
Кооперативное Издательское Т-во „Революціонная Мысль“.
1917.

Кооперативное Издательское Т-во „Революціонная Мысль".

B152 161

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!"

Л. ШИШКО.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

944/

ПЕТРОГРАДЪ.
Государственная Типографія.
1917.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
623494 V V

Царствованіе Николая I-го.

ГЛАВА I.

Забота о сохраненіи самодержавной власти.

Александръ I, воспитанный ученымъ швейцарцемъ Лагарпомъ, не былъ лишенъ нѣкотораго высшаго образованія. Въ молодости у него являлось даже иногда правильное пониманіе того, что такое въ дѣйствительности самодержавное правительство. Такъ, онъ сказалъ какъ-то князю Чарторыйскому, что ненавидитъ самодержавную власть». Онъ удивился: «какъ можетъ одинъ человѣкъ управлять цѣлымъ государствомъ, а тѣмъ болѣе уничтожить укоренившіяся въ немъ злоупотребленія». «Это свыше силъ даже самаго умнаго человѣка»,—говорилъ онъ. Онъ утверждалъ, что «наслѣдственная монархія—установленіе несправедливое и нелѣпое, что верховная власть должна быть ввѣряема не вслѣдствіе случайности рожденія, а по голосованію народа».

Николай I былъ совсѣмъ другого рода человѣкъ. У того не возникало никакихъ сомнѣній. Александра I воспитывала его умная бабка, Екатерина II, которая сама умѣла цѣнить науку; Николая I воспитывала его мать Марія Ѳеодоровна, изъ семьи нѣмецкихъ герцоговъ, женщина ограниченная, насквозь пропитанная монархическими предразсудками.

Николай I самъ потомъ признавался, что онъ съ братомъ Михаиломъ получили «бѣдное образо-

*

ваніе». Онъ говорилъ, что даже въ дѣлѣ религіи ихъ учили только «креститься въ извѣстное время за обѣдней да говорить наизустъ разныя молитвы, не заботясь о томъ, что дѣлалось въ нашей душѣ». Науки были въ полномъ забросѣ. «На лекціяхъ нашихъ преподавателей—опять разсказываетъ самъ о себѣ Николай I—мы или дремали, или рисовали на нихъ карикатуры, а потомъ къ экзаменамъ выучивали кое-что вдолбяжку, безъ плода и пользы для будущаго» [1]).

Все воспитаніе было обращено на то, чтобы пристрастить великихъ князей къ военнымъ упражненіямъ. «Какъ только Николай Павловичъ вставалъ по утрамъ—пишетъ историкъ его царствованія, Шильдеръ—онъ тотчасъ же принимался съ Михаиломъ Павловичемъ за военныя игры. У нихъ было большое количество оловянныхъ солдатиковъ. Зимой они разставляли ихъ по столамъ, а лѣтомъ играли въ саду... Кромѣ солдатиковъ, оловянныхъ и фарфоровыхъ, у нихъ было много другихъ игрушекъ, напоминающихъ о военномъ бытѣ: ружья, алебарды, гренадерскія шапки, деревянныя лошадки, барабаны, трубы, зарядные ящики и т. д.».

Мы уже видѣли, что императоръ Петръ III, даже взрослый, любилъ до страсти играть въ оловянные и деревянные солдатики; отецъ Николая I, Павелъ Петровичъ, также до безумія любилъ военные парады и разводы; онъ каждый день, съ ранняго утра, былъ уже на дворцовой площади и заставлялъ часа по три и по четыре маршировать своихъ гвардейскихъ солдатъ. Эта страсть къ военнымъ упражненіямъ сдѣлалась какъ бы врожденной въ царской семьѣ.

---

[1]) Все это находится въ томъ разсказѣ, который Николай I написалъ для своихъ дѣтей о своемъ восшествіи на престолъ.

Про Николая и Михаила Павловичей разсказываютъ, что дѣтьми они любили подражать часовымъ и по цѣлымъ часамъ стояли добровольно на часахъ. Иногда, несмотря на строгій присмотръ своихъ воспитателей, «они по ночамъ вскакивали со своихъ постелей, чтобы хотя немножко постоять на часахъ съ алебардой, или ружьемъ у плеча» [1]).

Такъ воспитывался будущій царь. Никакого научнаго образованія, никакого общенія съ просвѣщенными людьми: все было сосредоточено на одной военной службѣ, а извѣстно, что такое военная служба: изъ человѣка надо сдѣлать послушную машину. «Смирно! Руки по швамъ! Не смѣть разсуждать передъ начальствомъ». Брань, крики, побои. «Великіе князья вообразили,—пишетъ историкъ Шильдеръ,—что грубость обращенія неразлучна съ военнымъ званіемъ, а потому они часто забывались и думали, что надо быть грубыми, когда они представляютъ военныхъ». Вслѣдствіе этого «обращеніе Николая Павловича вообще сдѣлалось грубымъ, заносчивымъ и самонадѣяннымъ» [2]).

Когда онъ, будучи уже взрослымъ, поѣхалъ въ Англію, то нисколько не позаботился о томъ, чтобы познакомиться съ англійской Государственной Думой и съ тѣми политическими дѣятелями, которыми гордилась тогда Англія: великій князь предпочиталъ проводить время въ обществѣ англійскихъ офицеровъ и генераловъ.

Когда онъ былъ въ Пруссіи, то наслаждался смотрами и парадами своего тестя, прусскаго короля. Прусскій король назначилъ его шефомъ бранден-

---

[1]) См. книгу Шильдера: Николай I и его царствованіе, т. I, страница 20.

[2]) Тамъ же, стр. 20—22.

бургскаго кирасирскаго полка; и вотъ, великій князь, нарядившись въ форму этого полка, явился передъ строемъ пруссаковъ, поздоровался съ ними и сказалъ: «Мои друзья, помните, что я наполовину вашъ соотечественникъ и, какъ вы, вхожу въ составъ арміи вашего короля» [1]).

Таковъ былъ этотъ будущій русскій императоръ. За его высокомѣрный характеръ и крайнюю жестокость по отношенію къ военной дисциплинѣ его ненавидѣла вся петербургская гвардія. Извѣстно, что когда, послѣ смерти Александра I, началось междуцарствіе вслѣдствіе того, что слѣдующій за нимъ братъ, Константинъ Павловичъ, отказался отъ престола, то Николай долго не хотѣлъ объявить себя императоромъ, несмотря на то, что скоро былъ найденъ хранившійся въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Успенскомъ соборѣ, въ двухъ спискахъ, манифестъ Александра I, гдѣ объявлялось о добровольномъ отреченіи Константина и о назначеніи наслѣдникомъ престола Николая Павловича. Весь Государственный Совѣтъ и Сенатъ умоляли тогда Николая принять престолъ, чтобы скорѣе прекратить начавшуюся смуту; но Николай упорно отказывался и говорилъ,

---

[1]) Прадѣдъ Николая I, женатый на дочери Петра Великаго, былъ чистый нѣмецъ. Слѣдовательно его дѣдъ, Петръ III, былъ уже только наполовину русскій. Такъ какъ онъ, въ свою очередь, женился на нѣмкѣ, то сынъ его Павелъ, отецъ Николая I, былъ уже на $^3/_4$ нѣмецъ и только на $^1/_4$ русскій. Но Павелъ опять женился на нѣмкѣ; значитъ у сына его, у самого Николая I, была уже только $^1/_8$ часть русской крови и $^7/_8$ нѣмецкой. Поэтому Николай I не ошибся, когда сказалъ бранденбургскому кирасирскому полку, что онъ наполовину ихъ соотечественникъ, онъ могъ бы даже сказать: не наполовину, а на семь восьмыхъ. Про него именно сложена была извѣстная пѣсня: «Царь нашъ, нѣмецъ русскій, носитъ мундиръ прусскій».

что ему «иначе нельзя было поступить». Историкъ Шильдеръ такъ объясняетъ это странное поведеніе Николая: петербургскій генералъ-губернаторъ Милорадовичъ предупредилъ его, «что военные въ Петербургѣ не желаютъ его царствованія»; вотъ почему онъ и «не могъ иначе поступить». И дѣйствительно, по свидѣтельству принца Евгенія Виртенбергскаго, Милародовичъ въ разговорѣ съ нимъ прямо сказалъ, что «гвардія не любитъ Николая».

Но когда вспыхнуло возстаніе декабристовъ и отказавшіяся отъ присяги войска собрались на сенатской площади, чтобы идти приступомъ на дворецъ, то Николай увидѣлъ, что у него нѣтъ другого исхода: надо было или подавить возстáніе, или готовиться къ гибели. Тогда только Николай рѣшился дѣйствовать, какъ императоръ.

Все высшее военное начальство стало на его сторону, а среди солдатъ хотя многіе готовы были пристать къ возставшимъ, но не рѣшались сами выйти изъ казармъ. На площади собрались только тѣ полки, которые вывели изъ казармъ офицеры-декабристы. Такихъ полковъ было немного, и вотъ, послѣ долгихъ колебаній, генералы, окружавшіе Николая, велѣли привезти пушки и разсѣяли возставшихъ солдатъ картечью..

Легко понять, съ какою злобою и ненавистью набросился тогда Николай I на декабристовъ. Повсюду начались аресты. Всѣ люди, сколько нибудь замѣшанные въ освободительномъ движеніи, были схвачены и отвезены въ Петропавловскую крѣпость. Затѣмъ произошелъ такъ называемый судъ, въ которомъ само же правительство судило своихъ противниковъ. Пятеро самыхъ смѣлыхъ защитниковъ свободы: Пестель, Рылѣевъ, Сергѣй Муравьевъ, Михаилъ Бестужевъ и Каховскій были приговорены

къ смертной казни, 88 человѣкъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы, 15 человѣкъ къ ссылкѣ на поселеніе, 9 отданы въ солдаты. До самой своей смерти Николай не хотѣлъ объявить амнистію осужденнымъ декабристамъ, хотя со времени приговора прошло уже болѣе 20 лѣтъ; при каждомъ волненіи или недовольствѣ противъ него онъ любилъ повторять: «Все это дѣло рукъ моихъ друзей, декабристовъ».

Но его ненависть обрушилась не только на самихъ декабристовъ, она обрушилась также на все освободительное направленіе. Онъ рѣшилъ искоренить въ Россіи свободную мысль, подавить просвѣщеніе, уничтожить науку. Онъ хотѣлъ остановить всякое движеніе впередъ, задержать умственный ростъ русскаго народа.

Мы знаемъ, что даже Александръ I, поклявшійся въ молодости отмѣнить самодержавіе и дать народу свободу, кончилъ тѣмъ, что передалъ все управленіе въ руки ненавистнаго палача—графа Аракчеева, поднялъ гоненіе на науку и ввелъ цензуру на книги. Но никогда еще гоненіе на свободную мысль и даже на всякое свободное слово не доходило до такихъ предѣловъ, какъ при Николаѣ I.

По цензурному уставу Николая I, изданному въ 1828 году, были запрещены въ печати *«всякія разсужденія о правительственныхъ мѣрахъ»*. Что бы ни дѣлало начальство, какія бы распоряженія оно ни издавало, русскіе подданные, какъ безсловесныя созданія, должны были безпрекословно повиноваться и не смѣли высказывать никакихъ своихъ сужденій. Дѣло доходило до того, что нельзя было молвить слова даже о дѣйствіяхъ простой городской полиціи.

Какъ то въ петербургской газетѣ «Сѣверная Пчела» была напечатана скромная жалоба на царскосельскую полицію; говорилось о томъ, что она плохо

смотритъ за извозчиками и что въ дурную погоду извозчики запрашиваютъ очень дорого съ пріѣзжающихъ на вокзалъ. И вотъ, даже въ такомъ неважномъ замѣчаніи было усмотрѣно зловредное свободомысліе и неповиновеніе начальству; вслѣдствіе этого по цензурному вѣдомству былъ немедленно отданъ царскій приказъ: «дабы впредь не было допускаемо въ печати никакихъ, хотя бы и косвенныхъ порицаній правительства и установленныхъ властей, къ какой бы степени сіи послѣднія ни принадлежали».

Всякое начальство, къ какой бы степени оно ни принадлежало, хотя бы то былъ низшій полицейскій чинъ, должно было почитаться священнымъ и неприкосновеннымъ для царскаго подданнаго; онъ долженъ былъ на все смотрѣть глазами поставленныхъ надъ нимъ властей. Дѣло начиналось съ простыхъ будочниковъ, а доходило до самой религіи, которую чтилъ народъ. Самовластный царь хотѣлъ держать въ своихъ рукахъ даже вѣру своего народа.

Въ 1825 году въ Петербургѣ на кирпичномъ заводѣ были сожжены десятки тысячъ переведенныхъ со славянскаго языка на русскій книгъ Новаго Завѣта, Псалтыря и другихъ частей Библіи. Славянское нарѣчіе было мало понятно для народа, но въ переводѣ на русскій языкъ Священное Писаніе становилось ужъ доступнымъ для всѣхъ; и вотъ, петербургскій митрополитъ Серафимъ прямо заявилъ, что онъ не допуститъ такого перевода. По его словамъ, «Священное Писаніе было передано Богомъ не народу, а сословію пастырей и учителей, и уже черезъ нихъ народу». Народъ долженъ былъ знать и исповѣдывать только ту вѣру, какую ему укажетъ его духовное начальство; духовное начальство становилось, слѣдовательно, выше Священнаго Писанія. Согласно такому толкованію было издано слѣдующее высочайшее рас-

поряженіе уже самимъ Николаемъ I: «запрещать не только неблагопріятное, но даже и неосторожное прикосновеніе къ православной церкви и ея установленіямъ, а также къ правительству и ко всѣмъ поставленнымъ отъ него властямъ и законамъ».

Дѣло дошло до того, что генералъ Бутурлинъ, завѣдывающій цензурой, захотѣлъ вычеркнуть нѣкоторыя слова изъ акаѳиста Покрову Божьей Матери, ибо находилъ, что тамъ есть революціонныя мысли. Когда графъ Блудовъ сказалъ ему, что онъ такимъ образомъ осуждаетъ святого Дмитрія Ростовскаго, который сочинилъ этотъ акаѳистъ, то Бутурлинъ отвѣчалъ: «Кто бы ни сочинилъ, но тутъ есть опасныя выраженія». При этомъ онъ указалъ на слѣдующія опасныя выраженія: «Радуйся, незримое укрощеніе владыкъ жестокихъ и звѣроподобныхъ».—«Совѣты неправедныхъ князей разори; зачинающихъ рати погуби и т. д.».—«Но въ такомъ случаѣ Вы и въ Евангеліи встрѣтите выраженія, осуждающія злыхъ правителей»—сказалъ Блудовъ.

— Такъ что же,—возразилъ Бутурлинъ, переходя въ шуточный тонъ,—если бы Евангеліе не была такая извѣстная книга, конечно, надо было бы цензурѣ исправить ее [1]).

Такъ обращалась самодержавная власть съ народною вѣрою, т. е. съ народною совѣстью. Что касалось наукъ и литературы, то здѣсь уже совсѣмъ не церемонились; вся забота правительства состояла здѣсь въ томъ, чтобы по возможности сократить и уничтожить ихъ. Достигалось это строгими полицейскими мѣрами. Прежде всего всякій цензоръ подвергался строгому выговору и даже лишался мѣста,

---

[1]) Смотр. книгу Шильдера, т. I, стр. 637.

если онъ пропускалъ хоть малѣйшій намекъ на свободное сужденіе въ печати. И не только цензоры, но самые министры, наблюдавшіе надъ цензурой, должны были, при малѣйшемъ упущеніи, бояться царскаго гнѣва. Немудрено, что министръ Уваровъ прямо говорилъ: «Хочу, наконецъ, чтобы русская литература прекратилась вовсе... Тогда я, по крайней мѣрѣ, буду спать спокойно». А о цензорѣ Красовскомъ, отличавшемся особой свирѣпостью, онъ отзывался такъ: «Красовскій у меня какъ цѣпная собака, за которой я сплю спокойно».

И вотъ, цѣлая стая этихъ цѣпныхъ собакъ была спущена на несчастную русскую печать. Отъ ихъ усмотрѣнія зависѣло пропустить или не пропустить любую книгу. Чѣмъ строже цензоръ преслѣдовалъ печать, тѣмъ болѣе онъ заслуживалъ наградъ. Для большей вѣрности съ теченіемъ времени въ Россіи появилась даже не одна цензура, а цѣлыхъ десять: общая цензура, духовная цензура, военная, учительская, судебная и, наконецъ, двѣ высшихъ: жандармская цензура и верховный негласный комитетъ. Если что проходило въ одной цензурѣ, то задерживалось въ другой; а на самомъ верху стояли два главныхъ охранителя самодержавія: тайное жандармское управленіе (такъ называемое третье отдѣленіе) и негласный комитетъ изъ высшихъ довѣренныхъ лицъ. Можно сказать, что ни за какими опасными злодѣями и кровожадными преступниками не было такого строгаго наблюденія, какъ за русскою наукою и литературою.

Чтобы получить разрѣшеніе на изданіе новаго журнала или новой газеты, надо было представить удостовѣреніе полиціи «въ нравственной благонадежности» просителя, причемъ пьяные жандармы и квартальные надзиратели становились судьями надъ рус-

скими учеными и писателями. Когда два извѣстныхъ всему Петербургу лица, Краевскій и князь Одоевскій, подали прошеніе о разрѣшеніи имъ издавать новый журналъ, то Николай отвѣтилъ: «И безъ того много». Въ 1844 г. московскій профессоръ Грановскій, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, подалъ прошеніе о разрѣшеніи ему издавать журналъ «Ежемѣсячное Обозрѣніе». Послѣдовалъ высочайшій отвѣтъ: «Не нужно».

Издатели газетъ и журналовъ постоянно получали приказанія не касаться въ печати того или другого предмета.

Мы уже упоминали объ общемъ цензурномъ уставѣ 1828 г., по которому были запрещены въ печати «всякія разсужденія о правительственныхъ мѣрахъ». По словамъ цензора Глинки, этотъ уставъ былъ такъ составленъ, что «можно бы и Отче нашъ истолковать въ преступномъ смыслѣ».

Затѣмъ отъ министра иностранныхъ дѣлъ вышло такое распоряженіе: «Вовсе или почти не упоминать о государственныхъ думахъ въ западно-европейскихъ странахъ, о конституціяхъ, о выборахъ депутатовъ, объ утверждаемыхъ ими законахъ. Избѣгать говорить о верховной народной волѣ, о требованіяхъ и нуждахъ рабочаго класса».

По министерству внутреннихъ дѣлъ: «Не дозволять описаній особенныхъ бѣдствій или нуждъ народныхъ, а также современныхъ происшествій, дѣйствующихъ на простонародье съ невыгодной стороны. Не пропускать сожалѣнія о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, описаній злоупотребленій властью помѣщиковъ».

Принимая депутатовъ отъ петербургскаго дворянства, Николай I сказалъ имъ: «Нѣкоторые русскіе журналы дозволили себѣ напечатать статьи, возбуждающія крестьянъ противъ помѣщиковъ и вообще

неблаговидныя; но я принялъ мѣры и этого впредь не будетъ» [1]).

По министерству народнаго просвѣщенія дѣло доходило до того, что цензура вымарывала изъ древней исторіи имена героевъ Греціи и Рима, которые сражались за свободу отечества. Вымарывались уже не разсужденія, а самыя имена и событія [2]).

Отъ русскаго народа хотѣли скрыть правду о дѣяніяхъ всемірной исторіи. Когда Московское Историческое Общество напечатало книгу англичанина Флетчера, бывшаго въ Россіи во времена Ивана Грознаго, т. е. болѣе трехсотъ лѣтъ тому назадъ, и описывавшаго тогдашніе русскіе порядки, то изъ-за этого поднялась цѣлая гроза. Книга была уничтожена, а секретарь общества, профессоръ Бодянскій, былъ лишенъ мѣста и сосланъ въ Казань. Бывшій министръ графъ Уваровъ разсказывалъ, какъ ему самому приходилось бороться съ цензурой при напечатаніи своей книги «о греческихъ древностяхъ». Цензоръ, между прочимъ, никакъ не хотѣлъ пропустить греческаго слова *демосъ*, что значитъ *народъ*, а хотѣлъ замѣнить это слово какимъ-нибудь другимъ. Точно также онъ не позволялъ говорить о нѣкоторыхъ римскихъ императорахъ, что они были убиты, а требовалъ, чтобы было сказано, что они просто погибли.

Московскій профессоръ Соловьевъ читалъ въ присутствіи новаго министра, Ширинскаго-Шахматова, лекцію о лѣтописи Нестора, причемъ приходилъ къ такому заключенію, что эта лѣтопись дошла до насъ въ неполномъ видѣ, въ разныхъ спискахъ, и что возстановить весь ея первоначальный текстъ очень

---

[1]) *В. Семевскій*. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в., т. II. Крестьянскій вопр. въ царств. Николая I, т. I, стр. 139.

[2]) См. Дневникъ Никитенко, т. I, стр. 508.

трудно. Министру это показалось опаснымъ: это значило сомнѣваться въ разсказахъ древняго лѣтописца о святой Ольгѣ, о Владимірѣ Мономахѣ и о другихъ легендахъ. Онъ призвалъ къ себѣ Соловьева и сталъ кричать на него: «Правительство этого не хочетъ! Правительство этого не хочетъ!» [1]). Правительство не хотѣло, чтобы наука раскрывала истину.

Все клонилось къ тому, чтобы заглушить мысль и подавить всякое разсужденіе. «Живи такъ, какъ велитъ начальство, и не смѣй ни въ чемъ сомнѣваться»— вотъ къ чему сводилась политика Николая I по отношенію къ русскому народу. «Ну, какая польза изъ Вашей образованности, если Вы не умѣете стоять передъ начальствомъ», говорилъ одинъ николаевскій полковой командиръ молодому офицеру. Умѣй стоять передъ начальствомъ, а остальное все вздоръ [2]).

Всякая новая мысль, всякое новое слово казались уже опасными тѣмъ цѣпнымъ собакамъ, которыя были приставлены Николаемъ I сторожить надъ мертвымъ сномъ русскаго нарда. Цензоръ Елагинъ встрѣтилъ въ одной книгѣ мѣсто, гдѣ говорилось, что въ Сибири ѣздятъ на собакахъ. Елагинъ никогда объ этомъ не слыхалъ и сейчасъ же вычеркнулъ и эту опасную новость, требуя, чтобы она была подтверждена сначала министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Въ одной ученой статьѣ говорилось о вредныхъ грибахъ; эта статья не была пропущена, потому что «грибы постная пища для православныхъ, и писать о вредныхъ грибахъ значитъ подрывать православную вѣру». Въ маѣ 1844 г. вышла книга «Продѣлки на Кавказѣ», пропущенная цензоромъ Крыловымъ. Въ ней описывались безпорядки кавказскаго упра-

---

[1]) См. Барсукова «Жизнеописаніе Погодина», т. XII.
[2]) Князь С. П. Трубецкой, *Время царствованія Николая I.*

вленія. Поднялась тревога. Военный министръ прочелъ книгу и пришелъ въ ужасъ: «Книга эта тѣмъ болѣе вредна,—говорилъ онъ помощнику шефа жандармовъ, генералу Дубельту,—что въ ней—что ни строчка, то правда». Эта вредная книга была немедленно уничтожена.

Приведемъ еще нѣсколько случаевъ, изъ которыхъ видно, что усердіе цензоровъ часто доходило до смѣшного. Цензоръ Фрейгангъ не пропустилъ выраженія: «движеніе умовъ». Цензоръ Елагинъ не пропустилъ въ учебникѣ физики выраженія: «силы природы».

Цензоръ Ахматовъ не пропустилъ въ поваренной книгѣ выраженія: «поставить пироги въ вольный духъ». Въ одномъ разсказѣ писателя Даля шло дѣло о цыганкѣ-воровкѣ, которая скрылась отъ мужа, и тотъ никакъ не могъ отыскать ее; обратился къ полиціи, но и это не помогло! Автору и цензору былъ сдѣланъ строгій выговоръ: зачѣмъ они подрываютъ довѣріе къ полиціи. Въ «Мертвыхъ Душахъ» Гоголя оказалось такое мѣсто: «Псы заливались всѣми возможными голосами: одинъ, забросивши голову назадъ, выводилъ такъ протяжно, другой отхватывалъ наскоро, какъ пономарь». Это мѣсто было вычеркнуто, ибо пономарь—духовное лицо. Въ комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума» было вычеркнуто множество стиховъ, между прочимъ даже такіе: «Чины людьми даются, а люди могутъ обмануться». Это направлено къ колебанію довѣрія къ высшей власти. Пушкинъ представилъ въ цензуру «Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ». Шефъ жандармовъ Бенкендорфъ далъ слѣдующій отзывъ: «При своемъ поэтическомъ достоинствѣ, по содержанію неприличны къ напечатанію, да и сверхъ того церковь проклинаетъ Разина, какъ и Пугачева». «Мѣдный Всадникъ» Пушкина совсѣмъ не увидѣлъ свѣта при жизни автора. «Борисъ Годуновъ» былъ

написанъ въ 1826 году, а разрѣшеніе напечатать его было получено только въ 1830 г., да и то съ большими пропусками. По этому поводу цензоръ Никитенко пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Былъ у Жуковскаго. Онъ показывалъ мнѣ *Бориса Годунова* Пушкина въ рукописи, съ цензурными помѣтками государя. Много имъ вычеркнуто. Вотъ почему печатный *Годуновъ* кажется неполнымъ, почему въ немъ столько пробѣловъ, заставляющихъ думать, что пьеса эта только собраніе отрывковъ» [1]).

Такъ поступало правительство съ великими русскими писателями. Когда, послѣ смерти Пушкина, Краевскій началъ печатать еще неизданныя его стихотворенія, то жандармскій генералъ Дубельтъ позвалъ къ себѣ Краевскаго и сталъ кричать: «Что это вы затѣяли? Къ чему? Зачѣмъ? Кому это нужно? Никому не нуженъ вашъ Пушкинъ. Да и шефъ жандармовъ сердится; онъ приказалъ вамъ передать, что довольно этой дряни, сочиненій то вашего Пушкина, напечатано при его жизни».

Эти люди, присвоившіе себѣ власть надъ русскимъ народомъ, не могли перенести мысли, чтобы какой то писатель могъ пользоваться вліяніемъ надъ умами ихъ вѣрноподданныхъ рабовъ. Ихъ приводило въ негодованіе, что безвременная смерть Пушкина вызвала повсюду всеобщее горе. Чтобы избѣгнуть торжественнаго чествованія памяти Пушкина, гробъ его былъ тайно отправленъ въ Святогорскій монастырь въ сопровожденіи жандармовъ. Когда затѣмъ въ одной газетѣ было напечатано нѣсколько строкъ въ честь поэта, гдѣ между прочимъ было сказано:

---

[1]) Всѣ приведенные здѣсь случаи съ цензурой разсказаны въ книгѣ Скабичевскаго, въ «Дневникѣ» Никитенко и во многихъ другихъ сочиненіяхъ.

«Солнце нашей поэзіи закатилось: Пушкинъ скончался въ срединѣ своего великаго поприща, всякое русское сердце знаетъ всю цѣну этой невознаградимой утраты», то редакторъ получилъ строжайшій выговоръ: «Къ чему эта публикація?—кричалъ на него шефъ жандармовъ,—что это за выраженіе? Солнце поэзіи! Помилуйте за что такая честь? Великое поприще! Какое это поприще? Развѣ Пушкинъ былъ полководецъ или министръ?».

Эти люди не только презирали, они ненавидѣли литературу и науку, потому что видѣли въ нихъ своего злѣйшаго врага. Литература и наука просвѣщали умы, а имъ нужны былъ мракъ и умственное ослѣпленіе народа; только этимъ мракомъ и этимъ ослѣпленіемъ могло поддерживаться ихъ господство.

«До свѣдѣнія моего дошло,—писалъ Николай I въ рескриптѣ на имя министра народнаго просвѣщенія,—что часто крѣпостные люди изъ дворовыхъ и поселянъ обучаются въ гимназіяхъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Отъ сего происходитъ вредъ двоякій. Съ одной стороны, сіи молодые люди по большей части входятъ въ училище уже съ дурными навыками и заражаютъ ими товарищей своихъ въ классахъ... съ другой стороны, отличнѣйшіе изъ нихъ, по прилежности и успѣхамъ, пріучаются къ роду жизни, къ образу мыслей и понятіямъ, не соотвѣтствующимъ ихъ состоянію. Неизбѣжныя тягости онаго для нихъ становятся несносны, и отъ того они нерѣдко предаются пагубнымъ мечтаніямъ или низкимъ страстямъ». Затѣмъ отдается приказаніе, чтобы на будущее время дѣти крѣпостныхъ крестьянъ не допускались ни въ гимназіи, ни въ университеты.

Отсюда видно, что правительство очень хорошо понимало, въ чемъ заключается для него главная опасность отъ просвѣщенія: «Сіи молодые люди»,

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

получивъ университетское образованіе, необходимо должны были проникнуться «пагубными мечтаніями» о своемъ человѣческомъ достоинствѣ, о свободѣ, о равенствѣ и справедливости. Поэтому надо было не допустить ихъ до науки, подавить въ ихъ душѣ эту божью искру; пусть они живутъ въ невѣдѣніи своихъ человѣческихъ правъ и пусть несутъ покорно свою тяжелую долю на радость и пользу благородному дворянскому сословію.

Таковы были тѣ мѣры, которыя принимало русское правительство Николая I для поддержанія своей самодержавной власти. Если подумать о томъ вредѣ, который былъ нанесенъ русскому народу съ этой стороны, въ теченіе тридцатилѣтняго царствованія Николая I, то трудно даже измѣрить всю глубину этого народнаго бѣдствія. Ослѣпленный самодержецъ стремился отнять у русскаго народа его духовную пищу, стремился «угасить его духъ».

ГЛАВА II.

Положеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ царствованіе Николая I.

Самодержавное правительство стремилось оказывать на народныя массы не только духовный, но и тѣлесный гнетъ. Оно поддерживало не только духовное, но и тѣлесное рабство народа. Намъ уже приходилось описывать, во второй части, то ужасное состояніе, въ которомъ находилось русское крѣпостное крестьянство въ царствованіе императрицы Екатерины II. Теперь намъ надо снова вернуться къ этимъ кровавымъ страницамъ русской исторіи.

При вступленіи на престолъ Николая I между крестьянами, которые, въ своемъ невѣдѣніи, отъ вся-

каго новаго царя ожидали для себя разныхъ милостей, распространялись слухи, что они получатъ землю и кромѣ того будутъ освобождены отъ податей и повинностей. По этому случаю произошли въ разныхъ мѣстахъ крестьянскія волненія, которыя немедленно же были усмирены солдатскими командами; а затѣмъ Николай I издалъ 12-го мая 1829 года слѣдующій манифестъ:

«Всѣ состоянія въ государствѣ, а въ томъ числѣ и поселяне какъ казенные, такъ и помѣщичьи крестьяне,—во всей точности должны исполнять всѣ обязанности, закономъ предписанныя, и безпрекословно повиноваться установленнымъ надъ ними властямъ».

Далѣе, въ манифестѣ объявлялось, что «всѣ слухи объ освобожденіи государственныхъ крестьянъ отъ податей, а помѣщичьихъ крестьянъ—отъ власти господъ измышлены злонамѣренными людьми. А такъ какъ государю вслѣдствіе этихъ слуховъ были поданы неосновательныя прошенія, то составители и переписчики подобныхъ бумагъ, какъ нарушители общественнаго спокойствія, будутъ подвергнуты самому строгому наказанію» [1]).

Въ томъ же 1826 году былъ изданъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ циркуляръ по всей имперіи, въ которомъ губернаторамъ предписывалось слѣдующее:

«Малыя воинскія команды отнюдь недостаточны для приведенія въ повиновеніе крестьянъ при возмущеніяхъ, а потому при подобныхъ случаяхъ гораздо полезнѣе требовать воинскія команды *въ достаточномъ числѣ*, дабы можно было рѣшительно приступить къ усмиренію» [2]).

---

[1]) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ царств. Николая I.

[2]) Д. Мордовцевъ. *Наканунѣ Воли.*

Отсюда мы видимъ, что правительство Николая I сразу же обозначило всю свою крестьянскую политику: прежде всего изданъ былъ царскій манифестъ о безпрекословномъ повиновеніи помѣщикамъ и другимъ установленнымъ властямъ; а затѣмъ, въ случаѣ неповиновенія, губернаторамъ было приказано требовать для усмиренія воинскія команды не въ маломъ, а въ достаточномъ числѣ. Вотъ и все, что нужно было для царской политики. Больше ничего не требовалось; все было въ порядкѣ: было приказано повиноваться начальству и были приготовлены воинскія команды. Чего же другого могло ожидать крестьянство отъ самодержавнаго правительства? Представьте себѣ, что для русскихъ крестьянъ была построена огромная и крѣпкая каторжная тюрьма, а вокругъ нея были бы разставлены часовые съ заряженными ружьями,—то вотъ это было бы точное изображеніе всей крестьянской политики Николая I.

* * *

Посмотримъ теперь, каково жилось нашему крестьянству въ этой огромной каторжной тюрьмѣ. Для описанія этого положенія мы будемъ пользоваться слѣдующими книгами: прежде всего книгой В. И. Семевскаго: *Крестьянскій вопросъ въ Россіи;* затѣмъ книгой Д. Л. Мордовцева: *Наканунѣ Воли,* составленной по документамъ, которые онъ нашелъ въ Саратовскомъ губернскомъ архивѣ; затѣмъ, книгой князя Н. Волконскаго «*Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ*» и книгой В. Повалишина: «*Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостники*»; наконецъ, мы будемъ пользоваться книгой госпожи Игнатовичъ: «*Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія*», а также напечатанными за-границей «*Извлеченіями изъ секретныхъ отчетовъ министерства внутреннихъ дѣлъ за*

1836—56 года». Этихъ нѣсколькихъ книгъ, изъ числа многочисленныхъ сочиненій, посвященныхъ занимающему насъ предмету, будетъ вполнѣ достаточно, чтобы познакомить читателей съ положеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ въ царствованіе Николая I.

* * *

Въ 1827 году сенаторъ Огаревъ прибылъ, по дѣламъ службы, въ Саратовъ. Къ нему сейчасъ же явились крестьяне Аткарскаго уѣзда, деревни Осиповки, принадлежавшей полковнику Куткину, и стали перечислять ему свои жалобы: «У меня,— говорилъ одинъ,— помѣщикъ сильнымъ образомъ взялъ 120 рублей и сверхъ того мою жену Варвару Ивановну бралъ къ себѣ».—«У меня,—говорилъ другой,—взялъ 170 руб. и загонялъ лошадь».—«У меня отнялъ двухъ лошадей, сестру мою, дѣвицу Маланью, въ несовершенныхъ лѣтахъ, растлѣлъ насильно, а меня въ рабочіе дни ковалъ въ желѣзы, мать мою, Анисью, билъ за ту сестру всячески».—«У меня сильнымъ и наглымъ образомъ отнялъ полторы тысячи рублей и взялъ на себя двѣ мои лошади, а сверхъ того мать мою, Пелагею Даниловну, стращалъ поставить на приготовленную раскаленную сковороду, за что она отдала ему собственныхъ 75 рублей». И такъ далѣе, и такъ далѣе. Сенаторъ передалъ жалобу губернатору, князю Голицыну; губернаторъ—губернскому предводителю дворянства, губернскій предводитель—уѣздному. Куткинъ виновнымъ себя не призналъ и заявилъ, что «это все произошло отъ какого-то наущенія, въ совершенное и напрасное мое оклеветаніе». Тѣмъ дѣло и кончилось. Крестьяне замолчали. Но черезъ два года снова поднялось дѣло. Оказалось, что Куткинъ ведетъ себя безобразно, пьянствуетъ, истязуетъ крестьянъ и дошелъ до полнаго безумія.

Пока были приняты мѣры, онъ продолжалъ неистовствовать, да такъ и умеръ полноправнымъ помѣщикомъ. Крестьяне послѣ его смерти оказались совершенно разоренными.

Въ селѣ Трещихѣ, Саратовской губерніи, у помѣщика, ротмистра Жарскаго, отъ побоевъ въ грудь умеръ на восьмой день староста. Пріѣхавшія полицейскія власти нашли въ домѣ помѣщика различныя орудія пытки: ошейникъ и цѣпи, наручни особую сѣтку, которую надѣвали на голову и запирали на замокъ, чтобы морить голодомъ. Дѣло было передано суду дворянъ. Судъ дворянъ постановилъ: «предоставить Жарскому тѣхъ людей, которые донесли на него, наказать какъ ему угодно».

Помѣщикомъ Лупандинымъ, Балашовскаго уѣзда, была засѣчена дворовая дѣвушка Григорьева. Балашовскія власти прислали доктора, когда тѣло уже сгнило и всѣ слѣды побоевъ исчезли.

Въ имѣніи полковника Волкова, въ селѣ Большая Добринка, взбунтовались крестьяне, требуя смѣны управляющаго и выборнаго старосту. Волковъ жилъ въ Петербургѣ, откуда написалъ губернатору Голицыну письмо съ просьбой: «Наказать крестьянъ плетьми, ибо эти канальи ничего не боятся, кромѣ батоговъ!».

Помѣщица Евсюкова держала своихъ дворовыхъ дѣвушекъ за работой въ кандалахъ по 18 недѣль, а иногда даже по цѣлому году, причемъ била ихъ и сѣкла. По приказанію губернатора, предводитель сдѣлалъ ей «надлежащее, о перемѣнѣ обращенія съ крестьянами своими, внушеніе». Тѣмъ дѣло и кончилось. Когда одна изъ этихъ мученицъ, Кузьмина, убѣжала въ Саратовъ, чтобы жаловаться, то Евсюкова высѣкла шестидесятилѣтнюю старуху Васильеву за то, что та не досмотрѣла, и посадила ее на цѣпь.

Помѣщикъ Рязанской губерніи, Климовъ, когда его крестьяне шли на работу, въ поле или въ ригу, отправлялся съ ними и всегда везъ съ собой возъ розогъ; если замѣчалъ въ работѣ какую-нибудь ошибку, то тутъ же, на мѣстѣ, «дѣлалъ жестокое наказаніе розгами до крови, такъ что и переносить невозможно». Дворового человѣка своего Антона Алексѣева сѣкъ изъ своихъ рукъ розгами и билъ палками, вслѣдствіе чего онъ черезъ день умеръ.

Одинъ сельскій священникъ разсказывалъ въ своихъ запискахъ (въ *Русской Старинѣ* за 1880 годъ, книга I, стр. 77), что неподалеку отъ его села было имѣніе одного помѣщика, который самъ тамъ не жилъ, «но каждое лѣто пріѣзжалъ туда на нѣсколько недѣль. Имѣніями его—двумя деревнями, дворовъ во 100—управлялъ отставной солдатъ, женатый на бывшей его экономкѣ. Управляющій этотъ каждый годъ, ко дню пріѣзда барина, составлялъ списокъ всѣмъ подросшимъ дѣвкамъ и въ день пріѣзда барина вручалъ его ему. Тотъ бралъ себѣ каждую дня на три—четыре въ услуженіе. И какъ только списокъ кончался, уѣзжалъ въ другія деревни. И это изъ года въ годъ!».

Помѣщикъ Карцевъ послѣ возвращенія своей крѣпостной изъ бѣгства заковалъ ее въ кандалы, а на шею надѣлъ рогатку. Когда несчастная попыталась утопиться, то, по приказанію Карцева, ее приковали за ногу къ столбу въ кухнѣ и въ этомъ положеніи продержали *пять лѣтъ;* въ послѣдніе годы ее спускали съ цѣпи только днемъ для господской работы. Другого крестьянина Карцевъ держалъ 4 года въ ножныхъ кандалахъ, въ которыхъ тотъ и отбывалъ барщину, причемъ на ночь его приковывали къ столбу цѣпью за шею; такъ онъ и умеръ прикованнымъ.

Помѣщикъ Сухановъ, Рязанской губерніи, избилъ до смерти двѣнадцатилѣтняго мальчика за то, что

тотъ просмотрѣлъ на охотѣ зайца. Сначала сшибъ его ружейнымъ прикладомъ съ ногъ, а потомъ долго билъ пинками въ грудь и въ животъ. Мальчика съ трудомъ довезли домой, гдѣ онъ вскорѣ умеръ. Возникло слѣдствіе. На первый разъ дѣло кончилось ничѣмъ; слѣды побоевъ открыты не были; Сухановъ заранѣе приказалъ крестьянамъ, видѣвшимъ истязаніе, молчать подъ угрозой «содрать шкуру». Но дѣло было поднято вторично, и на этотъ разъ Государственный Совѣтъ присудилъ Суханова къ лишенію чина и къ отдачѣ на военную службу.

Другой рязанскій помѣщикъ, князь Гагаринъ, обращался съ крестьянами еще того хуже. Они были совсѣмъ разорены, потому что даже въ праздники должны были работать на помѣщика. Онъ ихъ часто подвергалъ побоямъ и истязаніямъ и, кромѣ того, завелъ у себя вродѣ турецкаго гарема изъ дворовыхъ дѣвушекъ, которыхъ также жестоко билъ. Гагаринъ нѣсколько разъ попадалъ подъ судъ за истязанія крестьянъ, но такъ какъ былъ богатъ и знатенъ, то все ему сходило съ рукъ; сосѣдніе помѣщики при опросахъ давали о немъ отзывы, какъ о «тихомъ и кроткомъ человѣкѣ»; говорили, что онъ управлялъ своимъ имѣніемъ «сообразно прочимъ благороднымъ дворянамъ». Самымъ громкимъ дѣломъ князя Гагарина было убійство дворовaго человѣка Михаила Андреева за недосмотръ надъ щенками. Его раздѣтаго водили на цѣпи по двору зимой, послѣ чего онъ былъ избитъ Гагаринымъ до смерти. Первое слѣдствіе велось пристрастно. Свидѣтели убійства либо были разосланы по отдаленнымъ вотчинамъ, либо запуганы. Врачъ слѣдовъ побоевъ не нашелъ и написалъ, что смерть произошла отъ *отравленія*. Дѣло было прекращено. Но слухи въ городѣ и деревнѣ не унимались; тогда было назначено второе слѣдствіе, которое также не

раскрыло истины. Четверо крестьянъ, давшихъ неблагопріятныя для Гагарина показанія, были посажены въ тюрьму «за неповиновеніе помѣщичьей власти». Наконецъ, уже по высочайшему повелѣнію было назначено третье слѣдствіе, которое обнаружило лживость и подкупность первыхъ двухъ слѣдствій. Но Гагаринъ успѣлъ къ тому времени умереть. Неправильныя же дѣйствія должностныхъ лицъ Сенатъ объяснилъ ихъ «оплошностью», и они были оправданы.

Вообще, какъ и при Екатеринѣ II, крестьянамъ трудно было добиться праваго суда, а помѣщикамъ легко было откупиться отъ всякаго преступленія. Вся мѣстная полиція, земскіе судьи, засѣдатели и исправники выбирались самими же дворянами изъ своей среды, причемъ помѣщики давали имъ взятки и прямо держали ихъ на откупу. Мы уже видѣли, какъ эта земская полиція вела слѣдствія по убійству помѣщиками своихъ крѣпостныхъ. Когда на одномъ такомъ слѣдствіи крестьянинъ Петровъ указалъ на кровавые подтеки, которыхъ осматривавшія трупъ власти никакъ не могли найти, то засѣдатель накричалъ на него: «Ты здѣсь доказываешь, а недоимки не платишь!» и ударилъ его по щекѣ, а по окончаніи осмотра отправилъ въ сарай и велѣлъ выпороть.

Высшій надзоръ по дворянскимъ дѣламъ въ губерніи принадлежалъ предводителю дворянства, который тоже выбирался дворянами и считалъ своимъ долгомъ защищать ихъ. Одинъ изъ такихъ предводителей дворянства въ Рязанской губерніи, по фамиліи Реткинъ, прямо говорилъ: «Если я увижу, что мой братъ дворянинъ зарѣзалъ человѣка, то и тутъ пойду подъ присягу, что ничего о томъ не знаю».

Также относилось къ этому дѣлу и высшее начальство въ Петербургѣ, которое въ свою очередь сплошь состояло изъ дворянъ. Одинъ изъ помѣщиковъ-убійцъ,

по фамиліи Каленовъ, былъ приговоренъ къ тюремному заключенію за то, что засѣкъ своего крѣпостного. Каленовъ хлопоталъ въ Сенатѣ о смягченіи наказанія и, между прочимъ, поѣхалъ похлопотать о своемъ дѣлѣ къ одному старому сенатору, которому откровенно разсказалъ, въ чемъ заключалась его бѣда.

— Господи, Боже мой,—удивился старикъ,—и изъ-за этого нынче безпокоятъ дворянина! Я вамъ скажу по секрету, что я самъ въ молодости сдѣлалъ то же самое.

Не менѣе снисходительно и благодушно смотрѣлъ на дворянскія преступленія самъ Николай I. Однимъ изъ наиболѣе «звѣроподобныхъ владыкъ» надъ крестьянами въ его царствованіе оказался богатый помѣщикъ генералъ Измайловъ. Крестьяне *цѣлыхъ тридцать лѣтъ* терпѣли отъ него всякія жестокости и истязанія. Наконецъ, уже подъ старость, онъ отданъ былъ подъ судъ, и дѣло его пошло на рѣшеніе самого Николая I. Какая же послѣдовала высочайшая резолюція? Николай I приказалъ наложить на его имѣніе опеку, а самого его выслать на житье въ Рязань или Тулу. Только и всего. Этимъ разрѣшилась для помѣщика Измайлова вся царская гроза. Послѣ цѣлаго ряда неслыханныхъ преступленій, совершаемыхъ имъ въ теченіе *тридцати лѣтъ*, онъ могъ теперь спокойно доживать свой вѣкъ въ такомъ же богатствѣ и довольствѣ. А между тѣмъ, когда дѣло шло о какомъ-нибудь даже маловажномъ преступленіи *крестьянъ противъ помѣщиковъ*, то здѣсь раздавалась уже совсѣмъ другая царская пѣсня: здѣсь гремѣли приказы о палкахъ, военныхъ судахъ и разстрѣлахъ. Одно дѣло—бѣлая дворянская кость, а другое дѣло—черное мужицкое отродье или «эти канальи», какъ писалъ полковникъ Волковъ, которыя «ничего не боятся, кромѣ батоговъ». Съ этими канальями можно было не церемониться;

для нихъ всегда были наготовѣ розги, плети и солдатскія пули.

Благородное россійское дворянство, какъ извѣстно, не стѣснялось даже торговать этими канальями, какъ всякой рабочей скотиной. Нѣкоторые помѣщики дѣлали изъ такой торговли выгодный для себя промыселъ. Одинъ изъ нихъ купилъ себѣ близъ Саратова пустой земельный участокъ, а затѣмъ сталъ скупать у управляющихъ большими дворянскими имѣньями крестьянскихъ сиротъ; онъ выращивалъ у себя этихъ сиротъ, а потомъ продавалъ ихъ по сходной цѣнѣ: дѣвокъ—въ замужество за крѣпостныхъ мужиковъ, а парней въ рекруты,—или же сдавалъ этихъ парней начальству для заселенія Сибири, за что казна платила тогда помѣщикамъ по 300 рублей съ человѣка.

Хотя законы запрещали торговлю крѣпостными людьми при поставкѣ рекрутовъ, но обходъ этихъ законовъ совершался очень свободно, и продажа такъ называемыхъ «охотниковъ» процвѣтала. Въ 1840 году одинъ оборотливый мѣщанинъ привезъ изъ Москвы въ Курскую губернію 22 крѣпостныхъ парня для продажи въ рекруты.

Такъ же попросту, подворянски, относились помѣщики къ брачному союзу своихъ крѣпостныхъ; они смотрѣли на это дѣло съ точки зрѣнія хозяйственной выгоды, вродѣ какъ управляющіе конскими заводами. Въ одномъ княжескомъ имѣніи Ярославской губерніи почти всѣ браки совершались по наряду конторы; въ извѣстное время въ году вызывались въ контору, по особому списку, женихи и невѣсты; тамъ управляющій составлялъ изъ нихъ пары по своему усмотрѣнію, а затѣмъ ихъ, подъ надзоромъ конторскихъ служащихъ, прямо отправляли въ церковь, гдѣ православный попъ вѣнчалъ ихъ гуртомъ по нѣсколько паръ за разъ. Съ

дворянской точки зрѣнія тутъ не могло быть рѣчи о собственныхъ желаніяхъ жениховъ и невѣстъ, о какой либо взаимной привязанности между этими «господскими людьми», которыхъ даже иначе не звали, какъ ругательными кличками: Васька-мерзавецъ, Ѳедька-дуракъ, Машка-подлая и т. д. Собственныя чувства этихъ взрослыхъ молодыхъ людей не заслуживали никакого вниманія въ глазахъ дворянъ, точно такъ же какъ они не обращали никакого вниманія на материнскія чувства своихъ крѣпостныхъ крестьянокъ, когда отнимали у нихъ малолѣтнихъ сыновей и брали къ себѣ въ дворню, чтобы подавать трубки и носовые платки господамъ или щекотать имъ пятки передъ сномъ.

Нечего и говорить, что такое безчеловѣчное обращеніе со своими крѣпостными не обходилось безнаказанно для самихъ дворянъ: оно калѣчило и развращало дворянскія души. «Вслѣдствіе крѣпостного права владѣлецъ съ дѣтства пріобрѣталъ привычку предаваться праздности и тунеядству. Естественное теченіе мыслей невольно приводило его къ тому убѣжденію, что онъ можетъ, не обременяя себя никакими заботами, поручить хозяйство управляющему, бурмистру или старостѣ, а самъ веселиться, жить для удовольствія собственной особы, удовлетворять своимъ прихотямъ и не думать болѣе ни о чемъ» [1]). А такого рода праздная и себялюбивая жизнь неминуемо доводила помѣщиковъ до полной потери человѣческаго образа, до невообразимыхъ жестокостей и преступленій. Мы уже привели достаточно примѣровъ этихъ помѣщичьихъ жестокостей и преступленій. Перечисленіемъ ихъ можно было бы наполнить цѣлую книгу. Ошибочно было бы думать, что всѣ вышеприведенные

[1]) Д. Кавелинъ, *Собраніе сочиненій*, т. II, стр. 30.

нами случаи составляли лишь рѣдкія исключенія; напротивъ того—это было скорѣе общее правило. Николай I самъ говорилъ депутатамъ отъ петербургскаго дворянства: «Но я долженъ съ прискорбіемъ сказать вамъ, что у насъ весьма мало хорошихъ и попечительныхъ помѣщиковъ, много посредственныхъ и еще болѣе худыхъ» [1]). Таково было свидѣтельство самого Николая I, и мы можемъ быть вполнѣ увѣренными, что въ устахъ «перваго дворянина», какъ онъ самъ называлъ себя, эти слова не были простою выдумкою.

Пользуясь своею неограниченною властью, эти праздные и испорченные люди находили даже особое удовольствіе въ мучительствѣ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Кромѣ позорнаго наказанія розгами, которое даже и послѣ крѣпостного права долго процвѣтало у насъ въ Россіи, помѣщики постоянно прибѣгали *къ пыткамъ* и изобрѣтали всевозможныя орудія мучительства. Такъ, мы видѣли, что у саратовскаго помѣщика Жарскаго, во время слѣдствія по убійству имъ своего старосты, были найдены ошейникъ съ цѣпью, наручни и сѣтка, которая надѣвалась на голову, чтобы морить наказаннаго голодомъ во время работы; мы видѣли также, что помѣщикъ Карцевъ держалъ на цѣпи своихъ крѣпостныхъ по цѣлымъ годамъ. И такого рода мучительства и издѣвательства встрѣчались на каждомъ шагу. Въ Рязани, въ особомъ историческомъ музеѣ, выставленъ и теперь напоказъ цѣлый наборъ разныхъ орудій пытокъ и истязаній, оставшихся послѣ крѣпостного права. Тамъ находится между прочимъ *щекобитка*, употреблявшаяся помѣщицами для битья по щекамъ дѣвокъ и бабъ: «Стоило-ли о хамскія рожи марать дворянскія руки?»—замѣ-

[1]) В. И. Семевскій, *Крестьянскій вопросъ*, т. II, стр. 189.

чаетъ Повалишинъ въ своей книгѣ о рязанскихъ помѣщикахъ. А вотъ что говоритъ на этотъ счетъ В. И. Семевскій: «Трудно перечислить всѣ способы наказанія съ «пытками» и «истязательными» орудіями. Такъ, напримѣръ, въ одной Саратовской губерніи, какъ видно изъ архивныхъ дѣлъ, употреблялись въ помѣщичьихъ имѣніяхъ: розги, палки, шпицрутены; битье по зубамъ каблукомъ; битье по скуламъ кулакомъ; бритье полуголовы и полубороды; подвѣшиваніе за руки и за ноги на шесты; вывертываніе членовъ посредствомъ подвѣшиванія и вправливаніе вновь вывихнутыхъ членовъ; «уточка» (связываніе рукъ и ногъ и продѣваніе на шестъ); надѣванье шейныхъ желѣзъ и конскихъ кандаловъ; личныя сѣтки (для пытки голодомъ); прикладываніе при личныхъ сѣткахъ сургучной печати на голое тѣло; выщипываніе бороды; опаливаніе лучиной волосъ на тѣлѣ у женщинъ; взнуздываніе; сажаніе въ кубъ; ставленіе на горячую сковороду; набиваніе деревянныхъ колодокъ на шею; сѣченье солеными розгами; натираніе солью по изсѣченнымъ мѣстамъ; сѣченье терномъ, таволгой и крапивой; принужденіе работать съ колодками на шеѣ; лишеніе соли; забиваніе въ ротъ кляпа; надѣваніе желѣзныхъ ошейниковъ съ гвоздями; наказанье плетьми изъ сухихъ воловьихъ жилъ и т. д., и т. д.» [1]).

* * *

Такова была жизнь русскихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ ихъ помѣщичьихъ каторжныхъ тюрьмахъ, строго охраняемыхъ властью самодержавнаго царя. Одни изъ нихъ покорялись своей неволѣ, обращались

---

[1]) *Крестьянскій вопросъ*, статья въ сборникѣ «Крестьянскій строй», т. I, стр. 290—1.

въ покорныхъ холоповъ и также утрачивали свой человѣческій образъ; другіе бились въ безсильномъ отчаяніи. Никакого законнаго выхода изъ этой каторжной тюрьмы у нихъ не было. Мы уже знаемъ, какъ относилось начальство къ жалобамъ крестьянъ на своихъ помѣщиковъ. Жаловаться—значило заранѣе обрекать себя на новое истязаніе. Въ царствованіе Екатерины II за такія жалобы рвали ноздри, били кнутомъ и ссылали въ вѣчную каторгу; по Уложенію 1845 года, изданному Николаемъ I, «за подачу жалобы на помѣщика крѣпостные подвергались наказанію розгами до 50 ударовъ». Какъ обращалось начальство съ жалобщиками при Николаѣ I, хорошо видно изъ письма саратовскаго губернатора Бибикова къ предводителю дворянства; онъ писалъ слѣдующее: «Приказалъ наказать жалобщиковъ розгами при полиціи, *дабы не подать другимъ повода къ подобнымъ своевольствамъ*, но тѣмъ не менѣе долгомъ поставляю обратить вниманіе ваше на поведеніе помѣщика Угрюмова въ своемъ имѣніи и на обращеніе его съ крѣпостными людьми». Губернаторъ Бибиковъ самъ хорошо зналъ, что жалобы крестьянъ были справедливы и что помѣщикъ Угрюмовъ учинялъ всякія злодѣйства у себя въ имѣніи, но тѣмъ не менѣе онъ подвергъ жалобщиковъ наказанію при полиціи, «дабы не подать повода къ подобнымъ своевольствамъ».

Даже сочинители прошеній, тѣ посторонніе добрые люди, которые изъ жалости къ безграмотнымъ крестьянамъ писали имъ просьбы,—даже и тѣ подвергались жестокимъ преслѣдованіямъ: одинъ изъ такихъ сочинителей просьбъ, пономарь Остроглазовъ, «былъ немедленно исключенъ изъ духовнаго званія и отправленъ въ острогъ»; другой—дьяконъ Ильинской церкви въ Саратовѣ, Фіолетовъ, былъ арестованъ, лишенъ духовнаго званія и приговоренъ къ сдачѣ въ

солдаты, а по неспособности къ военной службѣ сосланъ въ Сибирь

За отсутствіемъ всякихъ законныхъ выходовъ изъ своего отчаяннаго положенія, у крѣпостныхъ крестьянъ оставались лишь незаконные пути: самоубійства, месть, бунты и побѣги. Въ такихъ ужасныхъ средствахъ, къ которымъ вынуждало прибѣгать несчастныхъ крестьянъ наше самодержавное правительство, недостатка не было.

Многіе крѣпостные, доведенные до отчаянія, рѣзались, вѣшались и топились. По одной Рязанской губерніи мы находимъ въ книгѣ Повалишина такіе случаи: крѣпостной помѣщика Татаринова зарѣзался; крѣпостная помѣщиковъ Щекутьевыхъ, восьмилѣтняя дѣвочка, утопилась; дворовая помѣщицы Житовой покушалась на свою жизнь и порѣзала себѣ ножницами шею, но осталась жива; кучеръ одного помѣщика оставилъ его съ лошадьми въ лѣсу, а самъ повѣсился на возжахъ на деревѣ; крѣпостная помѣщика Кошелева бросилась въ прорубь, но была спасена. Надо еще замѣтить, что если покушенія на самоубійство не удавались, то покушавшіеся подвергались послѣ того самому жестокому наказанію; такъ, эта вытащенная изъ проруби женщина помѣщика Кошелева была наказана плетьми и сослана въ Сибирь.

Случаи мести помѣщикамъ со стороны крѣпостныхъ крестьянъ также были очень многочисленны. Иногда мстителями являлись даже крестьянскія дѣти. Въ Саратовской губерніи одиннадцатилѣтняя двѣочка, Наталія Коршина, за истязаніе помѣщикомъ Владыкинымъ ея отца четыре раза поджигала помѣщичій домъ, а послѣдній разъ выхватила изъ колыбели ребенка помѣщика и хотѣла бросить его въ огонь.

У помѣщиковъ Елагиныхъ, также Саратовской губерніи, двѣнадцатилѣтняя дѣвочка сожгла гумно, потому что помѣщики заставляли крестьянъ молотить по праздникамъ; у помѣщиковъ Масловыхъ тринадцатилѣтняя дѣвочка, Дарья Суетина, сожгла амбаръ, гдѣ хранился ленъ, чтобы избавить дворовыхъ отъ пряжи льна и плетенія кружевъ, чѣмъ помѣщики безмѣрно отягощали дворовыхъ женщинъ. За плетеніемъ кружевъ мать Дарьи Суетиной ослѣпла.

Но въ гораздо большемъ числѣ совершались изъ мести убійства взрослыми крестьянами своихъ помѣщиковъ или ихъ управляющихъ. Въ царствованіе Николая I, съ 1837 года по 1855 годъ, т.-е. въ теченіе 18 лѣтъ, было совершено болѣе 200 такихъ убійствъ и около 70 покушеній на убійство; но это только числится по отчетамъ министерства внутреннихъ дѣлъ; въ дѣйствительности такихъ случаевъ было гораздо больше. Князь Волконскій разсказываетъ въ своей книжкѣ [1]), что когда, по случаю одного такого происшествія, его отецъ собралъ у себя сосѣднихъ помѣщиковъ для совѣщанія, то оказалось, что рѣдко кто изъ нихъ не подвергался побоямъ или покушеніямъ на убійство со стороны крестьянъ и дворовыхъ; но только большинство изъ нихъ избѣгало огласки, чтобы не срамиться и не подорвать своего помѣщичьяго достоинства.

Такимъ же необходимымъ и совершенно неизбѣжнымъ послѣдствіемъ помѣщичьяго и правительственнаго гнета были постоянные крестьянскіе бунты. Хотя нашихъ крестьянъ даже и въ настоящее время часто обвиняютъ въ ихъ бунтахъ, называя эти бунты безсмысленными проявленіями кресть-

---

[1]) Н. Волконскій. *Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ.*

янской дикости и невѣжества, но мы хотѣли бы спросить у этихъ строгихъ судей и обвинителей, какъ бы они сами поступали въ такихъ случаяхъ, какъ бы они сами вели себя, если бы ихъ, въ теченіе всей ихъ жизни, заставляли терпѣливо и безропотно переносить все то, что приходилось *въ теченіе всей своей мученической жизни* переносить на своихъ плечахъ, а главное—въ своей человѣческой душѣ, этому «дикому» и «невѣжественному» русскому крестьянину?

Въ отчетахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, которые ежегодно составлялись для извѣщенія Николая I о томъ, что происходило въ его государствѣ, мы находимъ слѣдующее краткое перечисленіе крестьянскихъ бунтовъ.

Въ 1841 году, въ Витебской губерніи, въ имѣніи графа Борха, болѣе тысячи крестьянъ оказали сопротивленіе военной силѣ. Убитыхъ было 21, раненыхъ 24 человѣка; 11 зачинщиковъ подвергнуты истязанію шпицрутенами.

Въ томъ же году, въ Пермской губерніи, рабочіе на Ревдинскомъ заводѣ Демидова, въ числѣ 400 человѣкъ, оказали сопротивленіе. Убитыхъ 33, раненыхъ 114.

Въ 1842 году, въ Казанской губерніи, начальство захотѣло принудить государственныхъ крестьянъ къ общественной запашкѣ. Убитыхъ 8, раненыхъ 230; 420 человѣкъ преданы военному суду.

Въ томъ же 1842 году было оказано упорное сопротивленіе въ 24 помѣщичьихъ имѣніяхъ, въ 13 разныхъ губерніяхъ.

Въ 1843 году, въ Челябинскомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи, возмущеніе охватило болѣе 40.000 государственныхъ крестьянъ. Была послана команда въ 10.000 солдатъ при 10 пушкахъ. 60 человѣкъ предано военному суду, 461 подвергнуты сѣ-

ченію. Въ томъ же году были бунты въ 12 помѣщичьихъ имѣніяхъ, въ девяти губерніяхъ.

Въ 1844 году было крестьянское волненіе въ селѣ Козловкѣ, Тамбовской губерніи. Убитыхъ 12, раненыхъ 10, преданныхъ военному суду 29.

Среди помѣщичьихъ крестьянъ въ этомъ году бунты были въ 23 имѣніяхъ, въ восемнадцати губерніяхъ.

Въ 1845 году—бунты въ 26 помѣщичьихъ имѣніяхъ по 15 губерніямъ; въ 1846 году—въ 25 имѣніяхъ по 15 губерніямъ; въ 1847 году—въ 23 имѣніяхъ по 16 губерніямъ; въ 1848 году—въ 41 помѣщичьемъ имѣніи и 4 казенныхъ. Въ слободѣ Писаревкѣ, Воронежской губ., крестьяне упорно противились выдачѣ тѣхъ изъ своихъ, кто избилъ управителя. Послано было 2 казачьихъ полка; тысяча мужиковъ были подвергнуты сѣченію; шестеро отданы подъ военный судъ.

Въ 1849 году—бунты въ 30 имѣніяхъ по 8 губерніямъ; число всѣхъ бунтовавшихъ доходило до 16.000 человѣкъ.

Въ 1850 году въ Курской губ. взбунтовались нѣсколько смежныхъ имѣній; число бунтовщиковъ доходило до 10.000. Послано 4 эскадрона кавалеріи и 60 пѣхотинцевъ.

Въ 1851 году—бунты въ 22 помѣщичьихъ, двухъ казенныхъ и двухъ удѣльныхъ имѣніяхъ; въ 1852 году—въ 33 помѣщичьихъ, 6 казенныхъ и 3 удѣльныхъ; въ 1853 году—въ 29 имѣніяхъ; въ 1854 году—въ 32 имѣніяхъ.

Всего, по отчетамъ министерства внутреннихъ дѣлъ, съ 1826 по 1854 г. въ однихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ произошло 556 крестьянскихъ волненій; но въ дѣйствительности ихъ было гораздо больше. Если сосчитать теперь, сколько крестьянской крови

было тутъ пролито, по случаю этихъ бунтовъ, сколько крестьянскихъ душъ загублено, сколько неописуемыхъ мучительствъ совершено надъ совершенно неповинными людьми, то невольно является такой вопросъ: какъ слѣдуетъ назвать такой государственный порядокъ и какъ слѣдуетъ назвать такого государственнаго управителя? Многіе милліоны мирныхъ тружениковъ, поильцевъ и кормильцевъ русской земли, были поставлены въ самыя тяжелыя, въ самыя трудныя и непереносимыя условія жизни; а когда у этихъ страдальцевъ недоставало никакихъ человѣческихъ силъ, чтобы все перетерпѣть и все вынести, то ихъ же предавали лютымъ казнямъ, ихъ же разстрѣливали солдатскими пулями. И вотъ, находятся все-таки люди, которые обвиняютъ этихъ несчастныхъ русскихъ крестьянъ въ ихъ дикости и невѣжествѣ. Да, конечно, крестьяне, въ своемъ безумномъ отчаяніи, слѣпо шли подъ разстрѣлъ, слѣпо шли на вѣрную гибель; но дѣйствительно дикими и невѣжественными извергами надо считать не ихъ, а тотъ порядокъ и тѣхъ людей, которые доводили ихъ до этого отчаянія и подвергали ихъ этимъ лютымъ казнямъ.

* * *

Кромѣ самоубійства, мести и бунтовъ у крестьянъ было еще одно средство спасенія: бѣжать, куда глаза глядятъ, отъ своей родной земли; бросить родныя деревни, бросить свои семьи, хозяйства и идти мыкать горе въ невѣдомыя страны. Крестьяне шли на Кавказъ, шли въ Новороссійскія степи, а то шли на какія-то «бѣлыя воды», о которыхъ имъ разсказывали прохожіе странники. Начальство ловило ихъ, било и возвращало помѣщикамъ; помѣщики въ свою очередь били ихъ и нерѣдко забивали на смерть или ссылали въ Сибирь,—на что опять-таки имѣли

«законное право». На основаніи этого «законнаго права», помѣщики ссылали своихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ Сибирь въ большомъ количествѣ: по оффиціальнымъ отчетамъ, въ теченіе 10 лѣтъ, съ 1822 по 1833 годъ было сослано ими 1.283 человѣка, безъ всякаго суда и слѣдствія, по одному ихъ помѣщичьему желанію.

Когда начальству было выгодно—такъ, напримѣръ, одно время оно хлопотало о заселеніи Новороссіи,—тогда оно не ловило бѣжавшихъ крѣпостныхъ и не обращало никакого вниманія на жалобы помѣщиковъ; тогда нѣкоторымъ счастливцамъ удавалось устроиться на просторныхъ, вольныхъ земляхъ, вдали отъ попечительнаго начальства,—пока послѣднее не простирало своихъ заботъ и на вновь заселенныя земли. Но въ большинствѣ случаевъ бѣглецовъ ожидала та участь, отъ которой, по народной пословицѣ, русскіе люди не должны никакъ отрекаться: или нищенская сума или тюрьма.

Нищенство и бродяжничество процвѣтало въ огромныхъ размѣрахъ въ крѣпостной Россіи. Такъ, напримѣръ, въ 1840 году было поймано и отправлено въ остроги 36.200 бродягъ; въ 1849 году—24.967; въ 1851—31.556. Вмѣстѣ съ бродяжничествомъ очень распространено было также разбойничество. Всѣ большіе лѣса служили тогда притонами для разбойничьихъ шаекъ, съ которыми земская полиція должно была вести постоянныя войны. Нѣкоторые атаманы отличались такою удалью, что имена ихъ гремѣли по цѣлымъ уѣздамъ и губерніямъ, пока они не складывали, наконецъ, своихъ буйныхъ головъ подъ солдатской пулей или на плахѣ.

Но среди тяжелой и безпросвѣтной жизни русскихъ крестьянъ даже такая печальная судьба, даже тяжелая и опасная участь придорожныхъ разбойниковъ казалась имъ заманчивой и привлекательной по

своему широкому приволью, и о ней въ народѣ часто слагались удалыя пѣсни. И вотъ, въ заключеніе нашего обзора о положеніи русскаго крестьянства въ царствованіе Николая I, мы приведемъ одну изъ такихъ удалыхъ разбойничьихъ пѣсенъ:

Какъ за барами было житье привольное,
Сладко попито, поѣдено, похожено,
Вволю корушки безъ хлѣбушка погложено,
Босикомъ снѣгу потоптано,
Спинушку кнутомъ понабито,
До пьяна слезами понапоено...
А теперь за баръ мы Богу молимся:
Божья церковь—небо ясное,
Образа вѣдь—звѣзды чистыя,
А попами волки сѣрые,
Что поютъ про наши душеньки.
Темный лѣсъ—то наша вотчина,
Трактъ проѣзжій—наша пашенка.
Пашни пашемъ мы въ глухую ночь,
Собираемъ хлѣбъ не сѣявши,
Не цѣпомъ молотимъ—слёзою
По дворянскимъ по головушкамъ,
Да по спинушкамъ купеческимъ...
Съ золотой казной мы—вольные;
Куда глянешь—наша вотчина,
Отъ Козлова до Саратова,
До родимой Волги-матушки,
До широкаго раздольица
Тамъ нѣтъ смерти намъ, ребятушки.

ГЛАВА III.

Какъ относилось правительство къ крѣпостному праву.

Какъ же относилось верховное самодержавное правительство къ этому тяжелому положенію народа?

О Николаѣ I многіе историки говорятъ, что онъ въ теченіе всего своего царствованія много *думалъ* о крѣпостномъ правѣ, очень былъ *озабоченъ* имъ и все собирался ограничить помѣщичье самовластіе. Вскорѣ послѣ своего вступленія на престолъ, онъ сказалъ какъ-то своему любимцу, генералу Киселеву, что изъ всѣхъ важныхъ государственныхъ дѣлъ онъ считаетъ самымъ необходимымъ «преобразованіе крѣпостного права», такъ какъ «въ его настоящемъ положеніи оно оставаться болѣе не можетъ».—«Помогай мнѣ въ этомъ дѣлѣ—говорилъ онъ дальше—которое я почитаю должнымъ передать сыну съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи, и для того подумай, какъ приступить безъ огласки къ постепенному осуществленію мысли, которая постоянно занимаетъ меня, но которую безъ добраго пособія исполнить не могу» [1]).

Въ этой тайной своей бесѣдѣ съ Киселевымъ, Николай I признался также ему, что онъ уже «говорилъ о своемъ намѣреніи со многими изъ своихъ сотрудниковъ. Но ни въ одномъ изъ нихъ—такъ закончилъ царь,—я не нашелъ прямого сочувствія; даже въ семействѣ моемъ нѣкоторые были совершенно противны [2])».

Вотъ объ этой именно постоянной заботѣ, тревожившей Николая I, и любятъ говорить тѣ историки, которые стараются, во что бы то ни стало, приписать ему и большую мудрость, и большую любовь къ Россіи, и попеченіе о благѣ русскаго народа.

Странное дѣло: эти историки стараются восхвалять Николая I даже только за одно то, что онъ былъ очень *озабоченъ* ужасами и неурядицами крѣпостного

---

[1]) В. И. Семевскій. *Крестьянскій вопросъ*, т. II, стр. 21.
[2]) Тамъ же.

права. Но спрашивается: какъ же было ему не заботиться и не тревожиться, когда повсюду въ Россіи стоялъ стонъ и лилась кровь, когда доведенные до отчаянія крестьяне то и дѣло убивали своихъ помѣщиковъ, когда проѣзжія дороги кишѣли бродягами и разбойниками и когда ежегодно происходило по нѣскольку десятковъ бунтовъ въ помѣщичьихъ и казенныхъ имѣніяхъ? Вѣдь даже самый плохой хозяинъ, изъ своихъ собственныхъ хозяйскихъ разсчетовъ, долженъ былъ бы встревожиться подобными безпорядками и неурядицами. Но хвалить такого хозяина было бы еще очень рано. Надо было бы посмотрѣть, какъ онъ будетъ приводить свои дѣла въ порядокъ, что именно онъ сдѣлаетъ для прекращенія происходящаго зла, какія перемѣны онъ произведетъ въ своемъ государствѣ, какія качества онъ обнаружитъ при исполненіи обязанности, за которую взялся.

Посмотримъ же, что было сдѣлано Николаемъ I для прекращенія вышеописанныхъ ужасовъ и не истовствъ крѣпостного права; посмотримъ, какія перемѣны онъ произвелъ, какія качества онъ обнаружилъ при своемъ желаніи ослабить тревожившіе его безпорядки.

Въ 1842 году, на засѣданіи Государственнаго Совѣта, гдѣ обсуждался вопросъ о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ, Николай I произнесъ такую рѣчь:

«Нѣтъ сомнѣнія, что крѣпостное право, въ нынѣшнемъ его положеніи, есть зло для всѣхъ ощутительное и очевидное; *но прикасаться къ оному теперь было бы, конечно, зломъ еще болѣе гибельнымъ.* Императоръ Александръ I, въ намѣреніяхъ котораго въ началѣ его царствованія было даровать свободу крѣпостнымъ людямъ, впослѣдствіи самъ отклонился отъ сей мысли, какъ еще совершенно преждевременной и невозможной въ исполненіи. *Я также никогда на сіе не рѣшусь.* Время, когда можно будетъ къ тому приступить, еще

вообще весьма далеко; теперь же *всякіе помыслы о семъ были бы лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства.* Пугачевскій бунтъ доказалъ, *до чего можетъ достигнуть буйство черни.* Позднѣйшія событія и попытки сего рода доселѣ всегда были счастливо прекращаемы, что и впредь будетъ предметомъ особенной и, *съ помощью Божьей,* успѣшной заботливости правительства. Но нельзя скрывать отъ себя, *что нынѣ мысли ужъ не тѣ, какія бывали прежде,* и всякому благоразумному наблюдателю ясно, что теперешнее положеніе не можетъ продолжаться навсегда» [1]).

Вотъ изъ этой рѣчи Николая I, изъ этихъ его собственныхъ словъ, сказанныхъ имъ въ Государственномъ Совѣтѣ, мы уже можемъ знать въ точности, что именно думалъ Николай I о крѣпостномъ правѣ, каковы именно были его царскія намѣренія.

Прежде всего, онъ соглашался, что крѣпостное право было дѣйствительно зло «для всѣхъ ощутительное и очевидное», но, прибавлялъ онъ при этомъ, «*прикоснуться къ оному* было бы, конечно, зломъ, *еще болѣе гибельнымъ*».

Итакъ, по мнѣнію Николая I, Россіи угрожало два зла; первое изъ нихъ—это само крѣпостное право; а второе зло произошло бы въ томъ случаѣ, если-бы кто нибудь захотѣлъ *прикоснуться* къ этому крѣпостному праву, т. е. захотѣлъ бы нарушить его. И вотъ это второе зло было бы, по мнѣнію Николая I, еще хуже перваго зла.

Отъ перваго зла страдало все русское крѣпостное крестьянство, болѣе 20 милліоновъ русскихъ людей, а вмѣстѣ съ тѣмъ приходило въ упадокъ все русское государство. Но спрашивается: кому же грозила бы опас-

---

[1]) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ, т. II, стр. 60—61.

ность отъ второго зла, отъ уничтоженія крѣпостного права? Очевидно, что эта вторая опасность уже никакъ не могла-бы грозить крѣпостному крестьянству, она могла бы вредить только однимъ дворянамъ—помѣщикамъ, которые должны бы были лишиться при этомъ своихъ даровыхъ работниковъ.

Итакъ на одной чашкѣ вѣсовъ лежали интересы всего крѣпостного крестьянства и всего русскаго народа, а на другой чашкѣ вѣсовъ лежали интересы однихъ русскихъ дворянъ—помѣщиковъ; но тѣмъ не менѣе эта вторая чашка вѣсовъ перевѣшивала въ глазахъ Николая I первую. А потому, говорилъ онъ: «я никогда на это не рѣшусь».

Но какъ же, однако, Николай I объяснилъ своему Государственному Совѣту причину, почему онъ никакъ не могъ рѣшиться на такое гибельное дѣло, какъ уничтоженіе крѣпостного права? «Ибо—говорилъ онъ, Пугачевскій бунтъ уже доказалъ, *до чего доходитъ буйство черни*». Вотъ значитъ, въ чемъ заключалась главная причина: спустите только съ крѣпостной цѣпи эту буйную чернь, и она вамъ покажетъ «до чего она можетъ достигнуть». Вотъ почему Николай I никогда не могъ рѣшиться на сіе. Буйную чернь необходимо было держать на крѣпостной цѣпи; а когда она сама пыталась сбросить съ себя эти цѣпи, то правительство должно было немедленно прекращать «попытки сего рода», что ему всегда, къ счастью, удавалось, говорилъ царь, и что будетъ впредь «предметомъ особенной заботливости правительства», но конечно, «съ помощью Божьей».

«Но нельзя скрывать отъ себя» прибавляетъ царь въ заключеніе—«что нынѣ мысли уже не тѣ, какія бывали прежде (т. е. у этой буйной черни), и что теперешнее положеніе не можетъ продолжаться навсегда (даже и при Божьей помощи)».

Таковы были мысли самого Николая I о крѣпостномъ правѣ. Мы не измѣняемъ въ нихъ ни единаго слова. Такъ онъ дѣйствительно говорилъ своему Государственному Совѣту. Мы увѣрены даже, что онъ говорилъ это совершенно искренне, отъ чистаго сердца, нисколько не обманывая ни себя, ни другихъ. Такъ онъ дѣйствительно понималъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ и иначе не могъ его понимать: недаромъ онъ выросъ въ Зимнемъ дворцѣ.

Во время Пугачевскаго бунта крѣпостные крестьяне, доведенные до отчаянія и до крайняго озлобленія своими помѣщиками, стали нещадно избивать ихъ, вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми. Отсюда слѣдуетъ заключить, что если-бы крѣпостного права не было, то не было-бы и помѣщичьей жестокости, а если-бы не было помѣщичьей жестокости, то не было бы и озлобленія крестьянъ, а слѣдовательно не было бы и крестьянскихъ бунтовъ и никому не приходилось бы никого усмирять; тогда дѣйствительно можно было бы надѣяться на общественную тишину и полное спокойствіе въ государствѣ [1]).

---

[1]) Надо замѣтить, что при разговорѣ о крестьянскихъ жестокостяхъ во время крестьянскихъ бунтовъ всегда забываютъ упомянуть о жестокостяхъ самихъ усмирителей. Извѣстно, что при усмиреніи Пугачевскаго бунта было совершено несравненно болѣе звѣрствъ, чѣмъ при самомъ возстаніи крестьянъ. Графъ Панинъ предписалъ тогда казнить лютой смертью всѣхъ крестьянъ, убившихъ своихъ помѣщиковъ или выдавшихъ ихъ Пугачеву, *а всѣхъ остальныхъ крестьянъ* въ этихъ деревняхъ, т. е. никого не убившихъ и никого не выдавшихъ, велѣно было *бить жестоко плетьми подъ висѣлицами*. Въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ нельзя было доискаться виновныхъ въ убійствѣ дворянъ, Панинъ приказалъ *вѣшать по жребію каждаго третьяго человѣка*, а остальныхъ бить плетьми. Вотъ это избіеніе и истязаніе завѣдомо невинныхъ людей не причисляется правителями къ звѣрству и жестокости.

Но по царскому разсужденію выходило совсѣмъ наоборотъ, а именно, выходило такъ, что если-бы не было на Руси крѣпостного права, что если бы крѣпостное право было уничтожено, то крестьянскіе бунты не прекратились бы, а, напротивъ того, должны были-бы послѣ этого еще болѣе усилиться. Вотъ тутъ то, именно, т. е. послѣ прекращенія помѣщичьей жестокости, крестьяне, по мнѣнію Николая I, и показали бы себя, показали бы, «до чего они могутъ достигнуть». Таково было мнѣніе Николая I о русскихъ крестьянахъ, и всѣ его слушатели въ Государственномъ Совѣтѣ были вполнѣ съ нимъ согласны.

Уже изъ одной этой вступительной рѣчи Николая I въ Государственномъ Совѣтѣ легко можно видѣть, чего должны были ожидать для себя крестьяне во время его самодержавнаго царствованія и чѣмъ должны были завершиться для нихъ его постоянныя думы и заботы о преобразованіи крѣпостного права.

Самый главный законъ, который былъ изданъ въ царствованіе Николая I относительно крѣпостного права, заключался въ указѣ объ *обязанныхъ крестьянахъ*, изданномъ второго апрѣля 1842 года. Этого указа ждали тогда съ великимъ нетерпѣніемъ. Цѣль его заключалась въ томъ, чтобы ограничить ничѣмъ неограниченныя права помѣщиковъ по отношенію къ крестьянамъ и установить разъ навсегда въ самомъ законѣ всѣ барщинныя работы и другія крестьянскія повинности такъ, чтобы помѣщики уже не могли болѣе увеличивать ихъ по своему собственному усмотрѣнію.

Для обсужденія этого закона Николай I назначилъ еще въ ноябрѣ 1839 года «секретный комитетъ» изъ князя Васильчикова, графа Орлова, графа Панина, Киселева, Блудова и Ханыкова. Все это были бога-

тые помѣщики, которые сами владѣли многими тысячами крестьянскихъ душъ, за исключеніемъ, впрочемъ, Киселева, который пріобрѣлъ довѣріе царя не богатствомъ и знатностью, а своимъ умомъ и тѣмъ, что онъ былъ честнѣе другихъ.

Какъ только началось обсужденіе новаго закона въ «секретномъ комитетѣ», камергеръ Ханыковъ немедленно же представилъ свою докладную записку, въ которой излагалъ слѣдующія мысли:

«Какъ земли суть основное достояніе дворянъ, то для поддержанія сего сословія необходимо, чтобы сіе достояніе оставалось въ дворянскихъ родахъ. Отсюда само собою проистекаетъ, что помѣщики не иначе могутъ увольнять своихъ крестьянъ изъ крѣпостного владѣнія, какъ *безъ земли*. А чтобы обезземеленные крестьяне не ушли отъ помѣщичьей работы, то Ханыковъ предлагалъ, чтобы увольняемые крестьяне «вступали въ сословіе обязанныхъ поселянъ, которые безъ дозволенія начальства не могли бы оставлять прежняго мѣста жительства».

Киселевъ боялся, однако, такого полнаго обезземеленія крестьянъ; во-первыхъ, это породило бы громадную массу бродячаго, безпріютнаго и безпокойнаго населенія, а во-вторыхъ, государство не былобы ничѣмъ обезпечено въ исправномъ собираніи податей. Поэтому онъ предлагалъ, чтобы помѣщики отводили крѣпостнымъ крестьянамъ земельные надѣлы, за которые тѣ отбывали-бы имъ опредѣленныя барщинныя или оброчныя повинности. Это именно и былъ бы переходъ крестьянъ въ *обязанные;* они попрежнему оставались-бы въ обязанныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ и должны были бы работать на нихъ всю жизнь; но только ихъ земельные надѣлы и ихъ барщинныя и другія повинности были бы уже опре-

дѣлены закономъ разъ навсегда и не зависѣли бы отъ произвола помѣщиковъ. Это мнѣніе Киселева было поддержано самимъ Николаемъ I, и въ такомъ именно смыслѣ былъ составленъ въ «секретномъ комитетѣ» проектъ закона, который перешелъ потомъ на обсужденіе въ Государственномъ Совѣтѣ.

Но при обсужденіи его въ Государственномъ Совѣтѣ поднялся вопросъ: надо-ли было *обязывать* помѣщиковъ къ тому, чтобы они, согласно новому закону, переводили своихъ крестьянъ изъ прежняго крѣпостного сословія на положеніе обязанныхъ, или же слѣдовало предоставить это на добрую волю самихъ помѣщиковъ?

Одинъ изъ членовъ Государственнаго Совѣта, князь Дмитрій Голицинъ, началъ говорить, что сами помѣщики добровольно ничего не сдѣлаютъ и что необходимо принудить ихъ къ этому закономъ. Но тутъ всталъ Николай I и произнесъ такія слова:

«Я, конечно, самодержавный и самовластный, *но на такую мѣру никогда не рѣшусь*, какъ не рѣшаюсь и на то, чтобы приказать помѣщикамъ заключать договоры: это должно быть дѣломъ ихъ доброй воли».

Такимъ образомъ, самодержавіе царя отступало здѣсь на второй планъ; впереди всего стояла добрая воля самихъ помѣщиковъ. Хотя Николай I былъ *очень озабоченъ* крѣпостнымъ правомъ и считалъ преобразованіе его самымъ важнымъ изъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ, но мы видимъ, что здѣсь онъ склонилъ свою царскую голову передъ дворянской волей и прямо заявилъ, что никогда не рѣшится посягнуть самодержавно и самовластно на старыя права помѣщиковъ; здѣсь онъ рѣшилъ ожидать терпѣливо ихъ добровольнаго соглашенія; хотя тутъ

дѣло шло объ участи многихъ милліоновъ крѣпостного крестьянства, но интересы дворянъ были все-таки дороже его царскому сердцу. И вотъ, согласно его мнѣнію, согласно его послѣднему царскому слову, былъ изданъ въ 1842 году новый законъ объ обязанныхъ поселянахъ, въ которомъ все было предоставлено на добровольное желаніе самихъ помѣщиковъ. Въ законѣ было сказано такъ:

«... Мы признали за благо предоставить тѣмъ изъ помѣщиковъ, *которые сами сего пожелаютъ*, заключать съ крестьянами своими, *по взаимному соглашенію*, договоры на такомъ основаніи, чтобы помѣщики сохраняли *принадлежащее имъ полное право вотчинной собственности на землю* со всѣми ея угодьями и богатствами, какъ на поверхности, такъ и въ нѣдрахъ ея, а крестьяне получили-бы отъ нихъ участки земли въ пользованіе за условленныя повинности».

Мы видимъ, что новый законъ ни къ чему не принуждалъ и ни къ чему не обязывалъ помѣщиковъ; имъ предоставлялось заключать *добровольно* соглашенія съ крестьянами; этимъ хищнымъ волкамъ предоставлялось заключать добровольное соглашеніе со своими крѣпостными овцами. При этомъ, какъ видитъ читатель, въ царскомъ указѣ особо подтверждалось, что *всѣ земли должны были оставаться неприкосновенными въ полной вотчинной собственности дворянъ;* указъ даже начинался такими словами: «желая, въ общихъ видахъ государственной пользы, чтобы при заключеніи условій, принадлежащія помѣщикамъ земли, какъ *вотчинная собственность дворянства*, охранены были отъ отчужденія изъ владѣнія дворянскихъ родовъ, мы признали за благо... и т. д.». Вышеприведенная докладная записка камергера Ханыкова была, слѣдовательно, также принята царемъ во вниманіе.

Нечего и говорить, что этотъ новый законъ не имѣлъ ровно никакого значенія и не оказалъ никакого вліянія на положеніе крѣпостныхъ крестьянъ. Помѣщики или совсѣмъ не хотѣли заключать никакихъ условій со своими крѣпостными крестьянами, или же предлагали имъ при переходѣ на положеніе обязанныхъ такіе малые надѣлы земли и налагали такія огромныя повинности, что тѣ не соглашались и предпочитали оставаться въ прежнемъ крѣпостномъ состояніи.

Николай I въ теченіе цѣлыхъ пяти лѣтъ тщетно ждалъ дѣйствія своего новаго закона; увидѣвъ, наконецъ, что изъ него ничего не выходило, онъ рѣшилъ еще разъ обратиться самолично къ дворянамъ, чтобы побудить ихъ къ переводу крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные. Для этого онъ пригласилъ къ себѣ депутацію отъ смоленскаго дворянства и произнесъ передъ нею такую рѣчь.

Заявивъ сначала, что онъ имѣлъ въ виду поговорить съ ними «келейно» объ обязанныхъ крестьянахъ, онъ продолжалъ такъ: «Въ указѣ моемъ по этому предмету я ясно выразилъ мысль мою, что земля, *заслуженная нами дворянами или предками нашими*, есть наша дворянская; *замѣтьте, что я говорю съ вами, какъ первый дворянинъ въ государствѣ*. Но крестьянинъ, находящійся нынѣ въ крѣпостномъ состояніи, утвердившемся у насъ почти не по праву, а обычаемъ, черезъ долгое время, не можетъ считаться собственностью, а тѣмъ менѣе вещью, слѣдовательно, мое желаніе при обнародованіи сказаннаго указа было и теперь есть, чтобы дворянство помогло мнѣ въ этомъ дѣлѣ—столь важномъ для развитія благосостоянія отечества нашего—постепеннымъ переводомъ крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные. Я убѣжденъ, что такой переходъ, хотя на раз-

ныхъ условіяхъ, примѣненныхъ каждымъ къ мѣстности, можетъ одинъ предупредить крутой переломъ» [1]).

Желая побудить помѣщиковъ отказаться отъ своей безграничной власти надъ крестьянами, Николай I напоминаетъ имъ, что въ противномъ случаѣ можетъ произойти «крутой переломъ», т. е. что крестьяне могутъ не выдержать и поднять бунтъ; онъ опять повторяетъ то, что говорилъ въ Государственномъ Совѣтѣ въ 1842 году: «нельзя скрывать отъ себя, что нынѣ мысли уже не тѣ, какія бывали прежде, и что теперешнее положеніе не можетъ продолжаться навсегда».

Но вмѣстѣ съ тѣмъ царь спѣшилъ утѣшить помѣщиковъ тѣмъ, что всѣ помѣщичьи земли, «заслуженныя нами, дворянами», останутся при нихъ въ неприкосновенности, что въ этомъ онъ ручается имъ, какъ «первый дворянинъ въ государствѣ»; это дѣло ихъ общее, тутъ имъ нечего было опасаться.

Несмотря, однако, на такое утѣшеніе, помѣщики не хотѣли отказываться отъ крѣпостного права; они хотѣли владѣть не только землею, но и крестьянскими душами; поэтому они не поддались на царское увѣщаніе, и изъ этого вторичнаго обращенія «перваго дворянина» къ остальному благородному россійскому дворянству также не вышло ничего хорошаго; законъ 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ *остался безъ всякаго дѣйствія* [2]).

Надо замѣтить, что Николай I хотя самъ настаивалъ на нѣкоторомъ облегченіи крѣпостныхъ кресть-

---

[1]) В. И. Семевскій. *Крестьянскій вопросъ*, т. II, стр. 163.

[2]) За все время дѣйствія этого закона только около 40.000 душъ крѣпостныхъ крестьянъ были переведены на положеніе обязанныхъ.

янъ, но вовсе не считалъ желательнымъ, чтобы это облегченіе пошло очень далеко и чтобы помѣщичьи крестьяне дѣйствительно получили полную свободу; у него всегда въ головѣ была та мысль, что правительству опасно было слишкомъ ослаблять крѣпостную цѣпь. Это хорошо видно изъ слѣдующаго случая.

Въ 1845 году одинъ богатый помѣщикъ Подольской губерніи, графъ Потоцкій, захотѣлъ отпустить на волю всѣхъ своихъ крѣпостныхъ, безъ всякаго выкупа, и, кромѣ того, передать имъ въ собственность двѣ трети своихъ земель, безъ всякаго вознагражденія. Повидимому, такое хорошее дѣло должно было бы обрадовать Николая I, столь заботившагося объ облегченіи участи крѣпостныхъ крестьянъ: въ самомъ дѣлѣ, чего же лучше? Вотъ нашелся, наконецъ, хоть одинъ помѣщикъ, который подавалъ такой хорошій примѣръ всѣмъ остальнымъ. Но вышло, однако, совсѣмъ не такъ. Графъ Потоцкій не осмѣлился увольнить своихъ крѣпостныхъ крестьянъ безъ правительственнаго разрѣшенія, ибо правительство Николая I строго запрещало кому бы то ни было прикасаться къ «оному злу»; поэтому графъ Потоцкій обратился къ царю съ просьбой, въ которой изложилъ ему свое желаніе. Николай I назначилъ для разсмотрѣнія этого дѣла особый комитетъ изъ графа Орлова, графа Левашева и другихъ. Комитетъ пришелъ къ тому заключенію, что правительство ни въ какомъ случаѣ не могло согласиться на желаніе Потоцкаго, и высказалъ со своей стороны мнѣніе, что условія, предложенныя Потоцкимъ, необходимо было измѣнить на другія, гораздо худшія для крестьянъ, а именно передать имъ не двѣ трети помѣщичьей земли, а только по 5 десятинъ на душу, и не безплатно, какъ хотѣлъ самъ Потоцкій, а за извѣстный оброкъ, причемъ

графомъ Орловымъ былъ написанъ по этому поводу слѣдующій докладъ Николаю I:

«Хотя со стороны нравственной и политической было бы весьма желательно для блага крестьянъ графа Потоцкаго исполнить его увольнительный актъ, но по духу времени и нынѣшнему расположенію умовъ къ столь важному дѣлу должно приступить съ большою осторожностью, дабы освобожденіемъ огромнаго количества крѣпостныхъ людей не потрясти спокойствіе цѣлаго края, не подкопать основаніе существующихъ постановленій, не раздуть пламени непокорности въ сосѣднихъ вотчинахъ и тѣмъ не привести крестьянъ въ волненіе, помѣщиковъ въ отчаяніе, а правительство въ необходимость прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ для возстановленія нарушеннаго порядка».

На этомъ докладѣ Николаемъ I была сдѣлана собственноручная надпись: «Совершенно то, что хочу».

Вотъ, слѣдовательно, въ какомъ смыслѣ самъ Николай I понималъ необходимость преобразованія крѣпостного права. Онъ вовсе не хотѣлъ подкапывать самыхъ его основъ, вовсе не хотѣлъ приводить помѣщиковъ въ отчаяніе, а среди крестьянъ раздувать пламя непокорности. Поэтому онъ не позволялъ давать имъ полную свободу даже тѣмъ помѣщикамъ, которые сами хотѣли этого. Николай I смотрѣлъ на крѣпостное право, какъ на основное государственное учрежденіе, и всякое посягательство на него, даже со стороны самихъ помѣщиковъ, разсматривалъ какъ посягательство на самодержавную власть, за что и подвергалъ виновныхъ строгому наказанію. Это хорошо можно видѣть изъ другого примѣра.

Одинъ пензенскій помѣщикъ, Селивановъ, будучи человѣкомъ добрымъ и справедливымъ, мучился тѣмъ, что онъ владѣетъ крѣпостными людьми. Онъ отпустилъ своихъ 250 крестьянъ на вѣчный оброкъ и от-

далъ имъ 1.200 десятинъ земли; но все-таки не могъ успокоить своей совѣсти; и вотъ, однажды, во время своихъ душевныхъ тревогъ и сомнѣній, онъ написалъ письмо къ профессору Кавелину, своему бывшему учителю, гдѣ говорилъ о томъ, какъ тяжело положеніе помѣщика, владѣющаго крѣпостными душами. Письмо это онъ раздумалъ, однако, посылать, разорвалъ его и бросилъ въ корзину. Но онъ очевидно уже былъ на замѣчаніи у правительства, а потому окруженъ шпіонами. Разорванное письмо было подобрано и отправлено въ Петербургъ къ жандармамъ, въ третье отдѣленіе. И вотъ, по приказанію изъ Петербурга, Селивановъ былъ немедленно же арестованъ и доставленъ туда на допросъ.

— Почему вы находите, что положеніе помѣщика дурно?—спрашивалъ его жандармскій генералъ Дубельтъ.

— Потому что нравственная отвѣтственность слишкомъ велика,—отвѣчалъ Селивановъ.

— Эти вздоры натолкованы вамъ мерзавцами, подобными Бакунину, Герцену и другимъ,—закричалъ на него Дубельтъ.

Затѣмъ Селиванову были даны вопросные пункты, на которые онъ долженъ былъ написать свои отвѣты: какъ онъ смотритъ на крѣпостное состояніе вообще и какъ онъ смотритъ на отношеніе помѣщиковъ къ крѣпостнымъ крестьянамъ.

Селивановъ отвѣчалъ, что онъ считаетъ крѣпостное право большимъ зломъ, а что касается отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, то его личныя отношенія къ нимъ всего лучше можно видѣть изъ того, что въ теченіе тѣхъ десяти лѣтъ, которыя онъ провелъ въ деревнѣ, онъ постоянно ухаживалъ за крестьянами во время ихъ болѣзни, пускалъ имъ кровь, перевязывалъ раны и т. д.

Когда это дѣло, вмѣстѣ съ отвѣтами Селиванова, было представлено Николаю I, то послѣдовала слѣдующая высочайшая резолюція: отправить Селиванова въ ссылку въ Вятскую губернію «за превратный образъ мыслей»[1]).

Превратный образъ мыслей Селиванова заключался въ томъ, что онъ осуждалъ власть помѣщиковъ и своимъ личнымъ примѣромъ подрывалъ эту власть. За этотъ подрывъ помѣщичьей власти онъ и былъ арестованъ и отправленъ въ дальнюю ссылку. Мы уже говорили, что Николай I считалъ власть помѣщика надъ крѣпостными крестьянами какъ-бы нераздѣльной частью своей собственной самодержавной власти. Извѣстно, что отецъ его, императоръ Павелъ I любилъ повторять, что у него въ государствѣ «сто тысячъ добровольныхъ полицеймейстеровъ». Точно также одинъ изъ «секретныхъ комитетовъ» Николая I по крестьянскому дѣлу, состоявшій изъ наслѣдника (будущаго императора Александра II), князя Васильчикова, графа Орлова и министра Льва Перовскаго, высказалъ такое мнѣніе, что власть помѣщика, какъ поземельнаго владѣльца, есть орудіе и опора самодержавной власти». А другой высшій сановникъ и совѣтникъ Николая I, министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ, говорилъ о крѣпостномъ правѣ такъ: «это дерево пустило далеко корень: оно осѣняетъ и церковь, и престолъ».

---

[1]) По этому случаю нелишне вспомнить о другомъ подобномъ же дѣлѣ, относящемся къ царствованію Екатерины II. Сынъ помѣщика Нормацкаго, жестоко обращавшагося со своими крѣпостными крестьянами, вышелъ не въ отца, а, напротивъ того, онъ сталъ думать о томъ, чтобы освободить своихъ крѣпостныхъ. Онъ началъ разъяснять имъ, что Богъ создалъ всѣхъ людей свободными. Тогда окружающіе дворяне послали жалобу Государынѣ на «сумасбродныя намѣренія» Нормацкаго. Его вызвали въ Нижній-Новгородъ и признали сумасшедшимъ, а имѣніе его было отдано подъ опеку.

Вотъ, подъ сѣнью этого дерева и процвѣтало россійское самодержавіе: подъ сѣнью крѣпостного права, причинявшаго неслыханныя страданія русскому народу, орошавшаго русскую землю крестьянскими слезами, а подчасъ и крестьянской кровью. Все государство Николая I было чисто дворянское государство. Одно дворянство пользовалось въ немъ властью и во главѣ его стоялъ «первый дворянинъ». Это не было настоящее общенародное государство, которое ставило бы своею цѣлью благо всего русскаго народа, и странно было бы ждать отъ такого государства и отъ такого правительства, чтобы они дѣйствительно заботились объ облегченіи участи крѣпостныхъ крестьянъ. Такое правительство заботилось лишь о своей собственной выгодѣ и о своей собственной безопасности; когда оно почуяло, что «мысли теперь уже не тѣ, какія бывали прежде» и что можетъ произойти «крутой переломъ», тогда только подняло оно разговоръ о «преобразованіи крѣпостного права», причемъ дальше однихъ разговоровъ, какъ мы видѣли, и не пошло въ царствованіе Николая I.

Въ заключеніе этой главы приведемъ еще доказательство того, какъ заботилось самодержавное правительство объ интересахъ помѣщиковъ и какъ оно относилось къ крѣпостнымъ крестьянамъ.

Въ 1847 году былъ изданъ указъ, по которому крѣпостнымъ крестьянамъ разрѣшалось выкупаться на волю вмѣстѣ съ землею, всею деревней, въ томъ случаѣ, если помѣщичье имѣніе продавалось съ публичнаго торга, за долги своего владѣльца; тогда откупившіеся отъ крѣпости крестьяне обращались въ разрядъ государственныхъ крестьянъ. Такой законъ ни въ чемъ не нарушалъ интересовъ задолжавшаго помѣщика, такъ какъ онъ все равно долженъ былъ

лишиться своего имѣнія; но тѣмъ не менѣе среди дворянъ поднялась тревога. Новый законъ показался очень опаснымъ; онъ подрывалъ крѣпостное право, а главное—крестьяне могли покупать въ этомъ случаѣ землю, и, значитъ, земля уходила изъ дворянскихъ рукъ.

Чтобы успокоить тревоги своего дворянства, Николай I—какъ онъ дѣлалъ это и раньше—пригласилъ къ себѣ депутатовъ отъ дворянъ Петербургской губерніи и опять произнесъ передъ ними рѣчь.

Онъ сталъ имъ говорить, что они должны обратить особенное вниманіе на благосостояніе своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, и продолжалъ такъ: «Нѣкоторыя лица приписывали мнѣ по сему предмету самыя нелѣпыя и безразсудныя мысли и намѣренія. *Я ихъ отвергаю съ негодованіемъ*. Когда я издалъ указъ объ обязанныхъ крестьянахъ, то объявилъ, что *вся безъ исключенія земля принадлежитъ дворянину помѣщику*. Это—вещь святая, и никто къ ней прикасаться не можетъ. Но я долженъ сказать съ прискорбіемъ, что у насъ весьма мало хорошихъ и попечительныхъ помѣщиковъ, много посредственныхъ и еще болѣе худыхъ. *А при духѣ времени*, кромѣ предписаній совѣсти и закона, вы должны, *для собственнаго своего интереса*, заботиться о благосостояніи ввѣренныхъ вамъ людей и стараться всѣми силами снискать ихъ любовь и уваженіе. Ежели окажется среди васъ помѣщикъ безнравственный или жестокій, вы обязаны его предать силѣ закона. Нѣкоторые русскіе журналы дозволили себѣ напечатать статьи, возбуждающія крестьянъ противъ помѣщиковъ и вообще неблаговидныя, но я принялъ мѣры и этого впредь не будетъ» [1]).

---

[1]) Семевскій. Крестьянскій вопросъ т. II, стр. 189.

Итакъ, Николай I еще разъ успокаивалъ помѣщиковъ насчетъ ихъ главной заботы, т. е. владѣнія землею. Эта ихъ святыня останется неприкосновенной. Пусть только они, въ своихъ собственныхъ интересахъ, не очень жестоко обращаются съ крестьянами, а ужъ правительство будетъ съ своей стороны оберегать ихъ отъ опасныхъ злоумышленниковъ, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ стояли «неблаговидныя статьи въ журналахъ, возбуждающія крестьянъ противъ помѣщиковъ».

Такъ относилось правительство Николая I къ крѣпостному праву. Оно всѣми силами оберегало интересы помѣщиковъ и очень мало обращало вниманія на нужды и страданія крѣпостныхъ крестьянъ. Что касается вышеупомянутаго указа о дозволеніи крестьянамъ выкупаться на волю при продажѣ имѣнія за долги, то въ угоду помѣщикамъ этотъ указъ былъ отмѣненъ черезъ полтора года.

ГЛАВА IV.

Государственные крестьяне, фабричные и заводскіе рабочіе.

Мы болѣе подробно описали положеніе крѣпостныхъ при Николаѣ I, такъ какъ это положеніе было самымъ безправнымъ и самымъ ужаснымъ. Но, при общемъ безправіи, немногимъ было лучше также и положеніе другихъ разрядовъ «податного сословія» въ Россіи: государственныхъ крестьянъ, удѣльныхъ и кабинетскихъ и, наконецъ, такъ называемыхъ «поссессіонныхъ», т. е. приписанныхъ къ фабрикамъ и заводамъ. Всѣ эти люди низшаго, податного сословія, люди «черной кости», одни несли на себѣ всѣ государственныя повинности и за это находились въ полномъ подчиненіи и рабствѣ.

Существо самодержавной власти въ томъ именно и заключается, что для управленія государствомъ эта власть передается изъ рукъ такъ называемаго самодержца въ руки его разныхъ чиновниковъ, которые также оказываются поэтому самодержавными. При такомъ государственномъ управленіи въ обществѣ нѣтъ свободныхъ людей, а есть безправные подданные и безотвѣтственные передъ ними управители или надсмотрщики. Весь порядокъ въ государствѣ поддерживается не сознаніемъ общаго блага, не добровольнымъ желаніемъ и пониманіемъ самихъ гражданъ, а однимъ только страхомъ наказанія, какъ въ какомъ-нибудь острогѣ или въ тюрьмѣ. Если въ этой самодержавной тюрьмѣ все тихо и спокойно, если всѣ сидятъ молчаливо по своимъ мѣстамъ и безропотно выполняютъ свои обязанности: платятъ подати, снимаютъ шапки передъ начальствомъ, исправно выходятъ на работы, то, значитъ, все хорошо, царствуетъ надлежащій порядокъ, и все обстоитъ благополучно:

Отъ молдованина до финна
На всѣхъ языкахъ все молчитъ—
Бо благоденствуетъ...

Каково истинное положеніе этихъ безмолствующихъ вѣрноподданныхъ, хорошо ли имъ живется на бѣломъ свѣтѣ, удовлетворяются ли ихъ необходимыя человѣческія потребности, просвѣщается ли ихъ умъ,—до всего этого самодержавному правительству нѣтъ ровно никакого дѣла.

Даже напротивъ того: народное благосостояніе и народное просвѣщеніе неизбѣжно вредятъ такому государственному порядку, ибо всякій не забитый нуждою и не ослѣпленный невѣжествомъ человѣкъ необходимо будетъ возмущаться своею тюремною

жизнью; онъ не можетъ совершенно отказаться отъ своего человѣческаго разума, не можетъ считать за непогрѣшимое верховное существо какого-нибудь пьянаго полицейскаго пристава или развратнаго дворянина-помѣщика. Между тѣмъ, всякое такое разсужденіе, всякое такое роптаніе есть уже полное нарушеніе самодержавнаго строя. Мы видѣли, что въ царскомъ указѣ отъ 20 іюня 1848 года и такъ прямо сказано было «не допускать никакихъ порицаній дѣйствій и распоряженій правительства и установленныхъ властей, къ какой бы степени сіи послѣднія ни принадлежали». Вотъ почему правительству, желающему сохраненія своей самодержавной власти, нѣтъ никакой надобности заботиться о народномъ благосостояніи, а тѣмъ паче о народномъ просвѣщеніи. Лучшій другъ такого государственнаго строя, это—забитый нуждою, темный человѣкъ, ослѣпленный всякими предразсудками.

Подобно тому, какъ по отношенію къ крѣпостнымъ крестьянамъ власть помѣщика была «орудіемъ и опорою самодержавной власти», по отношенію ко всѣмъ казеннымъ, кабинетскимъ и удѣльнымъ крестьянамъ такой опорой самодержавія служила власть земской полиціи: становыхъ, засѣдателей, исправниковъ, губернаторовъ. Такъ же почти безотвѣтственные, какъ и помѣщики, всѣ эти земскіе и окружные чиновники могли сѣчь и засѣкать, судить и засуживать подвластныхъ имъ государственныхъ крестьянъ. Помѣщичьи поборы и вымогательства замѣнялись здѣсь взятками, которыя драли съ казенныхъ крестьянъ всѣ установленныя власти, «къ какой бы степени сіи послѣднія ни принадлежали».

Брать взятки свойственно всякому чиновнику, когда надъ нимъ нѣтъ никакого надзора со стороны самого общества; это доказано опытомъ всѣхъ временъ

и всѣхъ странъ. Вокругъ огня обожжешься, вокругъ сажи запачкаешься, а вокругъ казенныхъ денегъ проворуешься. Но у чиновниковъ Николая I руки были особенно «клейкія»,—какъ говорилъ Герценъ,—и если надо было получить въ казну рубль, то къ этимъ клейкимъ чиновничьимъ рукамъ всегда прилипало еще лишнихъ четыре рубля.

Вотъ почему, хотя пользованіе землею было свободнѣе у казенныхъ крестьянъ, чѣмъ у помѣщичьихъ, но положеніе ихъ было развѣ немногимъ лучше.

Мы уже видѣли при перечисленіи крестьянскихъ бунтовъ, что эти бунты происходили нерѣдко и въ казенныхъ имѣніяхъ, причемъ именно здѣсь они всегда охватывали большія пространства и принимали особенно ожесточенный характеръ.

Такъ, въ 1843 году, въ Оренбургской губерніи, Челябинскомъ уѣздѣ, поднялось противъ начальства 40.000 государственныхъ крестьянъ, причемъ противъ нихъ было выслано 10.000 солдатъ съ десятью пушками.

Въ 1844 году, въ Тамбовской губерніи, крестьяне цѣлой волости, доведенные до отчаянія чиновничьими поборами, надѣлали кистеней и пикъ и отказались отъ платежа. Явилась земская полиція; въ первый разъ мужики ее прогнали; она явилась вторично съ достаточнымъ числомъ христолюбиваго воинства и съ этой божьей помощью водворила самодержавный порядокъ. Во время этого бунта впереди толпы шла дѣвушка, пѣвшая псалмы. Всѣ эти крестьяне принадлежали къ такъ называемымъ молоканамъ [1]).

Въ 1841 и 1842 годахъ среди государственныхъ крестьянъ происходили такъ называемые картофельные бунты. Въ рукахъ самодержавнаго правительства

---

[1]) См. сочин. Герцена, т. I, стр. 192.

даже полезное дѣло непремѣнно получитъ безсмысленный и жестокій видъ. Дѣло шло о томъ, чтобы ввести въ Россіи посѣвъ картофеля, который только незадолго передъ тѣмъ былъ привезенъ изъ Америки и впервые узнанъ въ Европѣ. Вмѣсто того, чтобы постепенно познакомить населеніе съ неизвѣстнымъ ему новымъ растеніемъ, самодержавное начальство прямо объявило по всѣмъ волостямъ Казанской и Вятской губерній приказъ засѣять столько-то десятинъ картофелемъ. Крестьяне, хотя и неохотно, но послушались: засѣяли и собрали картошку. Но тогда министерство придумало устроить по волостямъ общія центральныя ямы, чтобы сохранить эту картошку отъ зимнихъ морозовъ до будущаго посѣва. Крестьяне, скрѣпя сердце, стали копать центральныя ямы и свозить въ нихъ картошку. Ямы были устроены плохо, и картошка за зиму промерзла. Тѣмъ не менѣе на слѣдующую весну начальство приказало все-таки сажать этотъ мерзлый картофель. Тутъ мужики уже не выдержали и отказались. Этотъ отказъ былъ сочтенъ, разумѣется, за бунтъ: вмѣсто того, чтобы повиноваться, крестьяне осмѣливались разсуждать. Министръ Киселевъ прислалъ особаго чиновника. Чиновникъ взялъ въ первой волости по рублю съ души и позволилъ не сѣять картофельныхъ выморозковъ. То же повторилось во второй и третьей волости. Но въ четвертой крестьяне объявили, что они и картофеля сажать не будутъ и денегъ не дадутъ. Чиновникъ, по обычаю, хотѣлъ кончить дѣло розгами; но мужики хватились за колья и прогнали полицейскую команду. Тогда военный губернаторъ прислалъ казаковъ. Сосѣднія волости заступались за своихъ, и разгорѣлся огромный бунтъ. Дѣло дошло до ружейныхъ залповъ и пушечной картечи. Мужики бросили деревни и разсыпались по лѣсамъ. Казаки стали выгонять ихъ изъ лѣсной чащи, какъ

дикихъ звѣрей; тутъ ихъ хватали, ковали въ цѣпи и отправляли въ военно-судную комиссію, въ Козьмодемянскъ. Судебное слѣдствіе пошло обычнымъ самодержавнымъ порядкомъ: мужиковъ нещадно сѣкли при допросахъ, сѣкли въ наказаніе, сѣкли для примѣра, сѣкли изъ -за денегъ и цѣлыми толпами ссылали въ Сибирь [1]).

По поводу этихъ картофельныхъ бунтовъ среди господъ долго шли разговоры *о поразительномъ невѣжествѣ русскаго мужика, который поднялъ* безсмысленный бунтъ противъ начальства, заботившагося о его же собственной пользѣ.

Другимъ примѣромъ самодержавныхъ начальственныхъ заботъ о русскомъ мужикѣ можетъ служить устройство военныхъ поселеній. Еще Александру I пришло какъ-то въ голову, ради облегченія воинской повинности, обратить нѣкоторыя казенныя волости въ военныя поселенія, такъ чтобы всѣ жившіе въ нихъ крестьяне не отрывались отъ своихъ деревень и съ самаго дѣтскаго возраста готовились бы къ военной службѣ. Назначенныя для этого деревни въ Новгородской, Могилевской, Харьковской, Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ были перестроены на военный ладъ, избы были выравнены въ одну линію, по казенному плану, въ каждую деревню назначены офицеры для обученія мужиковъ военному строю, по волостямъ посажены полковники и генералы,—словомъ, все крестьянское населеніе было отдано въ полное распоряженіе военныхъ властей: они наблюдали за посѣвомъ и за хозяйственными работами, они обучали мужиковъ маршировкѣ и ружейнымъ пріемамъ, и они же наказывали ихъ по военнымъ законамъ.

---

[1]) См. сочиненія А. И. Герцена, т. IV, стр. 327.

Можно представить себѣ, каково было крестьянамъ перейти отъ своей прежней деревенской жизни къ этой казарменной обстановкѣ. Извѣстно, что на николаевскую военную службу, какъ на погибель, со слезами и рыданіями, деревенскіе люди провожали своихъ рекрутовъ, а теперь всѣ они сами попали въ неволю. Нѣкоторые приближенные пытались было отклонить Александра I отъ его намѣренія, но онъ почему-то крѣпко забралъ себѣ въ голову эти военныя поселенія и отвѣчалъ на всѣ уговоры, что военныя поселенія будутъ введены, «хотя бы пришлось уложить трупами дорогу отъ Петербурга до Чудова». Исполнителемъ своего замысла онъ назначилъ Аракчеева, для котораго дѣйствительно ничего не значило уложить трупами дорогу отъ Петербурга хоть до самой Москвы.

Мысль самодержавнаго царя была какъ будто хороша: замѣнить казарменное войско обученіемъ военному искусству всего сельскаго населенія, не отрывая его отъ земледѣлія и отъ родныхъ мѣстъ; это было уничтоженіе солдатчины, разобщенной отъ народа,— замѣна солдатскаго казарменнаго войска всеобщимъ народнымъ ополченіемъ. Но посмотрите, во что обратилась эта хорошая мысль, когда она попала въ руки самодержавнаго правительства: сельское населеніе было отдано въ полную власть грубыхъ офицеровъ; вся крестьянская жизнь была подчинена солдатскому уставу; чтобы отлучиться въ городъ или сосѣднее село, крестьянинъ долженъ былъ просить разрѣшенія у начальства; крестьянскія дѣти отнимались у родителей и все время проводили въ солдатскихъ школахъ, крестьянскія дѣвушки выдавались замужъ по назначенію военнаго начальства; земледѣльческія работы производились по приказамъ офицеровъ, ничего не понимавшихъ въ земледѣліи, вслѣдствіе чего не-

рѣдко сѣно гнило, а хлѣбъ осыпался на корню; военное обученіе было основано на нещадныхъ побояхъ.

И вотъ, надъ всей этой новой жизнью, придуманной для несчастныхъ крестьянъ, стоялъ стонъ замученныхъ людей и лилась невинная кровь. Цѣлые возы розогъ и палокъ, одинъ за другимъ, истреблялись въ военныхъ поселеніяхъ, какъ необходимая статья новаго крестьянскаго обихода. Ни въ одномъ звѣринцѣ, ни съ какими дикими животными никогда не обращались такъ жестоко и не употребляли такихъ побоевъ и такихъ истязаній, чтобы поддерживать среди нихъ порядокъ, какъ было это здѣсь, при обращеніи самодержавнаго правительства съ людьми, «созданными по образу и подобію божьему».

Въ душѣ этихъ несчастныхъ людей, при такомъ обращеніи съ ними, конечно накоплялись озлобленія, ненависть и недовѣріе къ своимъ мучителямъ. При первомъ благопріятномъ поводѣ вспыхивали бунты, а за бунтами слѣдовали усмиренія съ безчисленными казнями. Даже Аракчеевъ писалъ какъ-то Александру I, что онъ «усталъ» отъ этихъ казней, что ему «не легко приводить въ исполненіе царскую волю». Но его осыпали наградами, чинами, орденами и всякими почестями.

При Николаѣ I самый большой бунтъ вспыхнулъ въ 1831 году, въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ, во время холеры. Военное начальство стало принимать мѣры противъ распространенія заразы, стало окуривать зараженные дома, держать людей въ карантинахъ, посыпать улицы предохранительными порошками. Но народъ, разумѣется, не вѣрилъ начальству, не вѣрилъ поставленнымъ отъ него докторамъ. Какъ могъ онъ вѣрить людямъ, которые били и истязали его всю его жизнь? Какъ могъ онъ имѣть надлежащее понятіе о холерѣ и о предохранительныхъ порошкахъ.

когда всѣ эти самодержавные правители, всѣ эти православные священники не только не просвѣщали его умъ, а, напротивъ того, подавляли его и затуманивали распространеніемъ той вѣры, что все окружавшее безобразіе и неистовства исходили отъ самого Бога?

И вотъ лѣтомъ 1831 года вспыхнулъ страшный бунтъ. Въ Старой Руссѣ и въ другихъ окружныхъ селахъ военные поселенцы убили болѣе 100 офицеровъ, а избили и изувѣчили почти все остальное начальство; только немногимъ удалось скрыться. Затѣмъ, по обычному чередованію, наступило усмиреніе. Болѣе 3000 человѣкъ были присуждены военно-судными комиссіями къ безпощадному тѣлесному наказанію. Прогоняли сквозь строй и били розгами съ такою жестокостью, что многіе умерли тутъ же на мѣстѣ, во время истязанія. Затѣмъ опять все стало тихо, опять наступилъ «порядокъ», опять «все обстояло благополучно».

Эти военныя поселенія просуществовали въ теченіе всего царствованія Николая I, они были уничтожены только Александромъ II въ 1857 году.

* * *

Теперь намъ надо сказать еще нѣсколько словъ объ участи такъ называемыхъ поссессіонныхъ крестьянъ, составлявшихъ неотъемлемую принадлежность фабрикъ и заводовъ.

Для развитія русской промышленности, т. -е. опять таки, повидимому, для очень хорошей цѣли, еще Петромъ I, въ 1721 году, было разрѣшено богатымъ купцамъ покупать къ своимъ суконнымъ, бумажнымъ, полотнянымъ и другимъ фабрикамъ деревни вмѣстѣ съ живущими въ нихъ крѣпостными крестьянами. Кромѣ того, къ горнымъ уральскимъ заводамъ

были прямо приписаны казенные крестьяне, въ качествѣ подневольныхъ рабочихъ, а потомъ эти горные заводы съ огромнымъ количествомъ отведенныхъ имъ казенныхъ земель и лѣсовъ были розданы царскимъ любимцамъ и богатымъ людямъ за ничтожную плату, съ пятилѣтней разсрочкой [1]).

Для пополненія состава рабочихъ заводчикамъ и фабрикантамъ разрѣшено было также принимать къ себѣ бродягъ, бѣглыхъ крестьянъ, солдатскихъ женъ и нищихъ; а потомъ въ 1736 году, по указу Анны Ивановны, всѣхъ этихъ вольнонаемныхъ рабочихъ позволено было прикрѣпить къ фабрикамъ и заводамъ навсегда и обратить въ состояніе, очень близкое къ крѣпостному.

Такимъ путемъ около фабрикъ и заводовъ набралось довольно много особаго крѣпостного населенія, которое было обязано, за извѣстную, очень небольшую плату, исполнять фабричныя и заводскія работы. Вотъ, этого рода крѣпостные крестьяне и назывались поссессіонными. Всѣхъ ихъ къ концу царствованія Николая I насчитывалось около 200.000 душъ мужского пола; изъ нихъ 160.000 душъ было горнозаводскихъ.

Кромѣ того помѣщики часто поставляли на эти заводы и фабрики, за очень сходную цѣну, рублей по 25 въ годъ съ души, своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, въ томъ числѣ также и крѣпостныхъ крестьянскихъ дѣтей.

Все это кабальное рабочее населеніе было подчинено, согласно общему духу самодержавнаго строя, своимъ хозяевамъ; оно было отдано въ полное распо-

---

[1]) Къ Нижнетагильскому заводу было приписано 600.000 десятинъ земли и лѣса; къ Верхнисетскому 700.000 десятинъ, къ Алапаевскому—[illegible]

ряженіе заводчиковъ и фабрикантовъ. По указу царицы Анны Ивановны фабриканты и заводчики получили право наказывать своихъ крѣпостныхъ рабочихъ «домашнимъ порядкомъ», а также отправлять ихъ въ Коммерцъ-Коллегію «для ссылки въ дальніе города или на Камчатку въ работу, чтобы другимъ былъ страхъ».

Какъ всякіе люди, не лишенные разума и сознанія, эти отданные въ неволю рабочіе не всегда выдерживали тяжесть угнетенія и оказывали сопротивленія. Тогда ихъ подвергали всяческимъ истязаніямъ. Словомъ, здѣсь, какъ во всей самодержавной Россіи, порядокъ управленія былъ одинъ и тотъ же, вполнѣ напоминавшій обращеніе съ тюремными арестантами. Для поясненія приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Уже вскорѣ послѣ возникновенія этого разряда посессіонныхъ крестьянъ, въ 1752 году, на парусной и бумажной фабрикѣ Гончарова, въ Малоярославскомъ уѣздѣ, произошелъ бунтъ, причемъ возмутившіеся крестьяне, какъ разсказываетъ историкъ Соловьевъ [1]), сначала разбили высланную противъ нихъ воинскую команду и отняли у нея пушки. Но послѣ того присланные вновь три пѣхотныхъ полка съ артиллеріей одержали верхъ и «привели крестьянъ къ покорности».

Въ царствованіе Александра I рабочіе Ярославской полотняной фабрики Яковлева отправили своихъ ходоковъ въ губернское правленіе съ жалобой на то, что они получаютъ очень низкую заработную плату. Губернское правленіе отвѣтило ходокамъ, что они должны «съ должнымъ повиновеніемъ пребывать спокойными и ждать разсмотрѣнія ихъ жалобы хозяевами», и хотѣло, чтобы они дали въ этомъ подписку. Ходоки отказались дать подписку и были наказаны

---

[1]) *Исторія Россіи*, т. XXIII, стр. 118.

плетьми. На слѣдующій годъ рабочіе опять послали двухъ своихъ ходоковъ, Москвина и Маркелова, уже въ Петербургъ, для подачи просьбы самому Александру I о прибавкѣ заработной платы. Эти ходоки были схвачены въ Петербургѣ, и ихъ также было велѣно наказать плетьми, причемъ «для внушенія повиновенія прочимъ рабочимъ людямъ» приказано было произвести это наказаніе публично, на фабрикѣ, въ присутствіи отряда солдатъ. Но рабочіе не унялись и послали новыхъ ходоковъ для подачи жалобы государю. На этотъ разъ дѣло дошло до сената, который поставилъ такую резолюцію: «Объявить мастеровымъ просителямъ, чтобы впредь неосновательными жалобами высшее начальство утруждать не отваживались, а пребывали въ положеніи своемъ спокойными и въ должномъ у содержателей мануфактуръ повиновеніи. Въ противномъ случаѣ подвергнутъ себя неослабному по законамъ наказанію».

На этотъ разъ ходоковъ почему-то не подвергли тѣлесному наказанію. Но въ концѣ концовъ Ярославскіе рабочіе все-таки добились своего: въ 1806 году они снова отправили ходоковъ къ царю съ жалобой на низкую заработную плату. Тогда ихъ ходоки были, наконецъ, наказаны розгами и высланы обратно въ Ярославль [1]).

А вотъ одинъ изъ многихъ случаевъ волненія фабричныхъ рабочихъ въ царствованіе Николая I. Въ 1837 году фабричные крестьяне при полотняной и миткалевой фабрикѣ Бровкиныхъ, въ Алексинскомъ уѣздѣ Тульской губерніи, подали жалобу министру финансовъ Канкрину на разныя притѣсненія хозяина, а главнымъ образомъ на неплатежъ денегъ за работу.

---

[1]) См. объ этомъ книгу Туганъ-Барановскаго: *Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ*, т. I, стр. 122.

По наведенному разслѣдованію оказалось, что на фабрикѣ Бровкиныхъ работаетъ 110 мужчинъ, изъ которыхъ только 44 получаютъ плату, прочіе же вмѣсто платы пользуются землей, которую обрабатываютъ на себя. Несмотря на всѣ мѣры владѣльца и мѣстныхъ властей, крестьяне рѣшительно отказались работать на фабрикѣ безъ всякой платы. Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ были арестованы, другіе наказаны розгами. Тѣмъ не менѣе рабочіе стояли на своемъ. Тогда въ село была послана воинская команда, и восемь возмутителей, «въ страхъ другимъ», были наказаны плетьми въ самомъ селеніи, а затѣмъ сосланы въ Сибирь. Прочіе были наказаны розгами «полицейскимъ исправленіемъ». Въ село была поставлена команда солдатъ, которые въ одинъ мѣсяцъ совершенно разорили крестьянъ [1]).

* * *

Таково было положеніе трудового народа въ царствованіе Николая I. Мы вовсе не имѣли желанія представлять это положеніе худшимъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ; мы вовсе не имѣли намѣренія подчеркнуть его темныя стороны, или умалчивать о его хорошихъ сторонахъ. Пусть намъ укажутъ, въ чемъ именно заключались эти хорошія стороны. Царствованіе Николая I было полнымъ расцвѣтомъ самодержавной власти. Любители самодержавной власти выставляютъ Николая I, какъ образцоваго царя. Онъ былъ высокаго роста, имѣлъ громкій голосъ и грозно вращалъ глазами. При одномъ появленіи его всѣ трепетали, отъ одного его слова зависѣла судьба человѣка. Главная забота его заключалась въ томъ, чтобы все покорялось его волѣ. Такъ какъ все управленіе

[1]) Туганъ-Барановскій, стр. 136—137.

исходило отъ его воли, то если бы этой волѣ не покорялись, не было бы никакого управленія. Поэтому за малѣйшее ослушаніе слѣдовало самое жестокое наказаніе. Никто не долженъ былъ имѣть своей собственной воли или своего собственнаго разсужденія въ дѣлахъ управленія государствомъ. Простой обыватель, крестьянинъ, рабочій, военный поселенецъ, солдатъ, мѣщанинъ должны было безпрекословно исполнять приказанія своего ближайшаго, уже высшаго начальства, которое, въ свою очередь, должно было исполнять приказанія еще болѣе высшаго начальства, и такъ далѣе, пока дѣло не доходило, наконецъ, до источника всѣхъ приказаній и всѣхъ распоряженій— до самаго царя.

Во главѣ управленія стоялъ этотъ самодержавный царь, который долженъ былъ заботиться обо всемъ; отъ царя шли правительственныя нити къ министрамъ, отъ министровъ шли правительственныя нити къ директорамъ департаментовъ, къ губернаторамъ и предводителямъ дворянства; отъ директоровъ департаментовъ, отъ губернаторовъ и предводителей дворянства шли эти правительственныя нити ко всѣмъ столоначальникамъ, дѣлопроизводителямъ и секретарямъ, имъ же не было числа, ко всѣмъ помѣщикамъ. И вотъ, дернетъ царь за какую-нибудь ниточку—и сейчасъ же начнетъ дѣйствовать по его приказу министръ, а вслѣдъ за министромъ забѣгаютъ по его ниточкамъ всѣ подчиненные ему высшіе чиновники и губернаторы, а вслѣдъ за этими высшими чиновниками и губернаторами забѣгаютъ по ниточкамъ всѣ другіе мелкіе чиновники и секретари—какъ это бываетъ устроено въ кукольныхъ комедіяхъ—и всѣ будутъ исполнять приказанія своего верховнаго руководителя. Такова была эта система управленія. И вотъ, этотъ ослѣпленный властью че-

ловѣкъ думалъ, что такимъ игрушечнымъ способомъ, всѣми этими воображаемыми ниточками можно было управлять судьбою цѣлаго огромнаго государства, управлять жизнью и счастіемъ многихъ милліоновъ людей!

Но онъ не могъ даже и этого думать; онъ только обманывалъ самого себя, когда думалъ, что онъ самодержецъ, потому что онъ самъ хорошо зналъ, что въ дѣйствительности не чиновники плясали по его ниточкамъ, а, напротивъ, онъ самъ являлся игрушкой въ рукахъ своихъ чиновниковъ. Онъ скакалъ по всему государству и вездѣ натыкался на мошенничество и беззаконія, онъ кричалъ, грозилъ, вращалъ зрачками, ссылалъ въ Сибирь, разжаловывалъ въ солдаты, а когда уѣзжалъ, то все оставалось по-старому, и всѣ чиновники попрежнему брали взятки, воровали и нарушали законы. Недаромъ самъ Николай I сказалъ какъ-то, что государствомъ управлялъ не онъ, а столоначальники губернскихъ правленій.

Мы уже видѣли, что, желая сдѣлать хоть какое-нибудь облегченіе для крѣпостныхъ крестьянъ, онъ признавался Киселеву, что одинъ онъ безсиленъ и что «безъ добраго пособія» онъ не можетъ исполнить своего намѣренія. Но къ кому же онъ обращался за этимъ пособіемъ? Онъ говорилъ со многими своими приближенными «и ни въ одномъ изъ нихъ не нашелъ прямого сочувствія»; даже въ семействѣ своемъ онъ встрѣтилъ противодѣйствіе. А между тѣмъ онъ искалъ себѣ сотрудниковъ именно въ окружавшихъ его знатныхъ дворянахъ и великихъ князьяхъ. Въ теченіе своего долгаго царствованія онъ назначалъ, одинъ за другимъ, *девять* секретныхъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу изъ высшихъ сановниковъ, изъ всѣхъ этихъ Орловыхъ, Васильчиковыхъ, Паниныхъ, Блудовыхъ, Ханыковыхъ, Перовскихъ, Киселевыхъ,

но не доставилъ крестьянамъ ровно никакого облегченія. Даже по вопросу о томъ, слѣдовало ли позволить крестьянамъ жаловаться на своихъ помѣщиковъ, секретный комитетъ изъ Васильчикова, Орлова, Перовскаго и цесаревича далъ отвѣтъ, въ 1845 году, что «очередь сей мѣры еще не наступила»; а посему былъ изданъ указъ, по которому за жалобой крестьянина на помѣщика слѣдовало 50 ударовъ розгами.

Всякое самодержавное правительство представляетъ собою не что иное, какъ прикрытое правительство дворянъ и чиновниковъ. Если царь-человѣкъ съ умомъ и характеромъ, то онъ еще имѣетъ нѣкоторое значеніе въ своемъ кругу; а если онъ человѣкъ слабый, то затирается на задній планъ, впередъ же выступаютъ какіе-нибудь Аракчеевы, Киселевы и Орловы. Въ настоящемъ же значеніи этого слова самодержавіе, какъ правленіе единаго человѣка, совершенно небывалая вещь; а потому и считается оно таковымъ лишь въ глазахъ легковѣрнаго и малопросвѣщеннаго народа.

ГЛАВА V.

Крымская война.

До сихъ поръ мы говорили о томъ, что такое представляло собою въ дѣйствительности самодержавное правительство Николая I и въ какомъ положеніи находились при этомъ правительствѣ всѣ трудящіяся массы русскаго народа: крѣпостные и казенные крестьяне, фабричные и заводскіе рабочіе. Мы видимъ также, какую роль играли при этомъ правленіи наши высшіе классы: дворяне-помѣщики и царскіе чиновники, не подлежавшіе никакому надзору со стороны управляемаго ими народа. Дворяне-помѣщики обрати-

лись въ праздныхъ, развратныхъ и жестокихъ людей, часто мучившихъ крѣпостныхъ крестьянъ по одному своему капризу, а царскіе чиновники были почти сплошь казнокрадами.

Теперь посмотримъ, каковы же получились послѣдствія отъ такого способа управленія для самого самодержавнаго правительства? Въ какомъ положеніи находились его собственныя дѣла? О положеніи народныхъ массъ мы уже говорили: оно было ужасно. Но въ самодержавномъ государствѣ не правительство существуетъ для народа, а народъ существуетъ для правительства; все приносится въ жертву ради сильной и могущественной самодержавной власти, причемъ предполагается, что такая сильная власть можетъ всего лучше поддерживать военную славу государства и защищать его отъ внѣшнихъ враговъ. Посмотримъ же, въ какомъ положеніи находились дѣла у правительства Николая I по отношенію къ этой военной защитѣ.

Сильнодержавный, царствуй на славу намъ,
Царствуй на страхъ врагамъ!

Такъ воспѣваютъ разоряемые налогами и податями вѣрноподданные славу своего самодержавнаго правительства. Какъ ни дорого достается имъ это сам державіе, но хоть, по крайней мѣрѣ, они могутъ задавать страхъ своимъ врагамъ!

Легко видѣть, однако, что даже и въ этомъ случаѣ поклонники самодержавной власти жестоко ошибаются въ своихъ расчетахъ; легко видѣть, что даже въ дѣлѣ военнаго могущества и военной защиты самодержавное правительство такъ же мало заслуживаетъ довѣрія, какъ и въ вопросѣ о поддержаніи народнаго благосостоянія. Вмѣстѣ съ подрывомъ всѣхъ народныхъ силъ, вмѣстѣ съ разореніемъ и обнищаніемъ

трудовыхъ массъ населенія, вмѣстѣ съ процвѣтаніемъ поголовнаго взяточничества и казнокрадства—необходимо должны подрываться также и военныя силы самодержавнаго государства.

Прежде всего надо замѣтить, что самыя причины войнъ, которыя ведутся самодержавными правительствами, часто бываютъ несправедливы и совсѣмъ не согласны съ интересами всего населенія. Въ свободныхъ государствахъ, гдѣ государственныя дѣла находятся въ рукахъ самого народа, вопросъ о войнѣ всегда обсуждается въ соотвѣтствіи съ народными интересами, въ соотвѣтствіи съ тѣми послѣдствіями, какія можетъ оказать война на благосостояніе всего народа. Никакой народъ никогда не рѣшится добровольно начать кровопролитную войну и жертвовать жизнями своихъ сыновей и братьевъ, если его не вынудитъ къ этому очень важная причина.

Но не такъ бываетъ при самодержавныхъ порядкахъ, когда правительство не подлежитъ никакому надзору со стороны народа и когда оно даже гордится тѣмъ, что можетъ поступать по одной своей высочайшей волѣ. Тогда оно часто играетъ въ опасную игру и навлекаетъ на себя ненависть другихъ народовъ; нерѣдко также оно прибѣгаетъ къ войнамъ и проливаетъ кровь своихъ подданныхъ ради своихъ собственныхъ расчетовъ, а не ради народныхъ интересовъ. Лучшее подтвержденіе всему этому мы находимъ въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыми была вызвана при Николаѣ I кровопролитная Севастопольская война, такъ печально закончившая собою это тяжелое и печальное царствованіе.

Причины Севастопольской или Крымской войны лежатъ очень далеко; эта война подготовлялась еще въ предшествующее царствованіе Александра I. Извѣстно, что послѣ нашествія Наполеона I на Россію,

четыре государства: Англія, Россія, Австрія и Пруссія соединились вмѣстѣ, одолѣли его своими соединенными войсками и свергли съ престола. Послѣ этого въ Австрійской столицѣ, въ Вѣнѣ, произошелъ съѣздъ всѣхъ государей или ихъ посланниковъ, съ цѣлью привести въ порядокъ европейскія дѣла. Наполеонъ I завоевалъ многія государства, низложилъ съ престола многихъ королей и посадилъ на ихъ мѣсто своихъ собственныхъ подручниковъ; и вотъ побѣдители захотѣли теперь возстановить прежній порядокъ: отобрать у Франціи завоеванныя Наполеономъ земли и вернуть ихъ прежнимъ королямъ. Съ этой цѣлью и былъ созванъ въ 1814 г. Вѣнскій съѣздъ или конгрессъ.

На этомъ конгрессѣ между тремя самодержавными монархами: русскимъ, австрійскимъ и прусскимъ былъ заключенъ такъ называемый Священный Союзъ, съ цѣлью поддержанія самодержавнаго образа правленія какъ въ своихъ государствахъ, такъ и въ другихъ странахъ, въ случаѣ, если бы самодержавный строй былъ тамъ поколебленъ. Эти три самодержавные монарха были очень напуганы французской революціей, которая въ томъ именно и заключалась, что французскій народъ уничтожилъ въ своемъ государствѣ самодержавный образъ правленія и замѣнилъ его правительствомъ, выбраннымъ отъ всего народа; при этомъ послѣдній самодержавный французскій король, Людовикъ XVI, былъ преданъ верховному суду народныхъ представителей за то, что вошелъ въ соглашеніе съ иностранными государями и призывалъ къ себѣ на помощь чужеземныя войска. Французская государственная дума, избранная всеобщею подачею голосовъ, судила Людовика XVI за измѣну отечеству и присудила его къ смертной казни (в декабрѣ 1792 г.).

Напуганные этимъ возстаніемъ французскаго народа противъ своего короля, три самыхъ главныхъ само-

державныхъ монарха въ Европѣ—русскій, австрійскій, прусскій—заключили между собою Священный Союзъ и рѣшили бороться соединенными силами съ враждебнымъ имъ духомъ свободы; они рѣшили преслѣдовать въ своихъ государствахъ свободную мысль и подавлять всякое неповиновеніе самодержавной власти. Но мало этого: они согласились также между собою не дозволять ниспроверженія самодержавныхъ порядковъ не только у себя дома, но и въ другихъ государствахъ; а въ случаѣ, если бы какой нибудь народъ захотѣлъ уничтожить у себя самодержавную власть, то посылать въ такую страну войска, чтобы подавить тамъ народное возстаніе и поддерживать силою прежнюю неограниченную власть государя.

Это былъ настоящій союзъ государей противъ народовъ, причемъ союзъ этотъ былъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Союзные самодержавцы не разъ посылали свои войска въ чужія страны для усмиренія возставшихъ народовъ. Первый такой случай произошелъ въ 1820 году, когда въ Неаполитанскомъ королевствѣ, на югѣ Италіи, народъ пытался уничтожить у себя самодержавную власть.

Неаполитанское королевство было захвачено Наполеономъ въ 1806 году. Онъ выгналъ оттуда самодержавнаго короля Фердинанда и посадилъ на его мѣсто своего родственника и подручника, генерала Мюрата. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ введены, вмѣсто прежняго самодержавія, новые французскіе порядки: равенство всѣхъ передъ закономъ, личная свобода и вѣротерпимость, а также были отобраны въ казну всѣ монастырскія имущества. Но послѣ низложенія Наполеона Неаполитанское королевство, согласно рѣшенію Вѣнскаго конгресса, было возвращено прежнему королю Фердинанду, а вмѣстѣ съ тѣмъ туда вернулись и прежніе самодержавные по-

рядки. Особенно усилились при этомъ власть католическаго духовенства и произволъ полиціи. Тогда Неаполитанскій народъ сталъ готовиться къ возстанію; среди него возникли тайныя общества. Наконецъ, въ 1820 году вспыхнула революція. Испуганный король объявилъ, что онъ самъ добровольно даетъ конституцію своему народу съ единой законодательной палатой, причемъ право выбора депутатовъ въ эту единую законодательную палату было предоставлено всѣмъ гражданамъ, достигшимъ 21 года и платящимъ подать, равную трехдневной рабочей платѣ. При этомъ король присягнулъ конституціи и произнесъ слѣдующія слова: «Если я солгу и нарушу свою клятву, то пусть Богъ обрушитъ на мою голову громы своего мщенія».

Но такое ниспроверженіе въ Неаполѣ самодержавнаго образа правленія шло противъ постановленій Священнаго Союза. И вотъ, уполномоченные посланники отъ монархическихъ державъ, а въ томъ числѣ и отъ Александра I, собрались въ австрійскомъ городѣ Лайбахѣ для совѣщанія и вызвали къ себѣ также Неаполитанскаго короля. На совѣщаніи было рѣшено возстановить въ Неопалитанскомъ королевствѣ самодержавную власть при помощи австрійскаго войска. Король Фердинандъ, присягнувшій сохранить въ неприкосновенности данную имъ конституцію, вернулся въ свое королевство уже не одинъ, а велъ съ собою пятьдесятъ тысячъ австрійскихъ солдатъ. Народное неополитанское войско было разбито, и самодержавіе было возстановлено силою; при этомъ многіе защитники народной свободы были казнены или сосланы на каторжныя работы. Таково было первое вмѣшательство Священнаго Союза во внутреннія дѣла чужого государства.

Въ 1821 году былъ снова такой же случай. Народъ возсталъ на своего самодержавнаго короля въ Сар-

динскомъ королевствѣ. Сардинскій король Викторъ-Эмануилъ долженъ былъ отречься отъ престола и передалъ временно власть своему племяннику, который провозгласилъ конституцію и созвалъ государственный совѣтъ. Но тогда другая придворная партія, желавшая сохраненія самодержавія, обратилась за помощью къ Священному Союзу. Въ отвѣтъ на это русскій императоръ Александръ I двинулъ на защиту самодержавія въ Сардинскомъ королевствѣ стотысячную армію; но раньше чѣмъ русская армія дошла до Сардиніи, туда уже подоспѣла австрійская армія, которая и сдѣлала свое дѣло. Защитники свободы были побѣждены, а на престолѣ снова усѣлся самодержавный король. При этомъ снова произошли казни и преслѣдованія: 178 человѣкъ были приговорены къ смертной казни, 220 офицеровъ были разжалованы; университеты были закрыты. Въ странѣ опять воцарились произволъ и насиліе.

Въ 1822 году въ итальянскомъ городѣ Веронѣ снова собрался Священный Союзъ по случаю революціоннаго движенія въ Испаніи. На этомъ конгрессѣ присутствовалъ уже самъ русскій императоръ Александръ I, а также австрійскій императоръ и прусскій король; кромѣ того были представители отъ французскаго короля, который присоединился къ Священному Союзу. На конгрессѣ было рѣшено послать въ Испанію французское войско возстановить тамъ самодержавіе, что и было исполнено.

Такимъ образомъ, союзъ самодержавныхъ монарховъ поставилъ своею цѣлью поддерживать неограниченную власть государей по всей Европѣ и подавлять вооруженной силой всякое стремленіе къ политической свободѣ со стороны угнетенныхъ народовъ. Понятно, что такое вмѣшательство въ чужія дѣла вызывало сильное раздраженіе противъ непро-

шенныхъ усмирителей и возбуждало ненависть къ нимъ во многихъ странахъ. Но главнымъ руководителемъ Священнаго Союза былъ русскій императоръ Александръ I. Ему принадлежала даже самая мысль объ этомъ союзѣ. Мы уже знаемъ, что подъ вліяніемъ французской революціи онъ отрекся отъ своихъ первоначальныхъ свободолюбивыхъ намѣреній и вернулся въ Россію, послѣ своего заграничнаго похода, настоящимъ деспотомъ. Онъ именно, вмѣстѣ съ хитрымъ австрійскимъ министромъ Меттернихомъ, всего болѣе хлопоталъ объ искорененіи повсюду духа свободы, ибо этотъ духъ свободы былъ, по ихъ мнѣнію, противенъ духу христіанскаго ученія. И вотъ, во славу Божію, они насаждали и укрѣпляли это христіанское ученіе съ помощью штыковъ и тайной полиціи. А такъ какъ у русскаго императора было всего больше войска и всего больше тайной полиціи, то онъ и былъ главнымъ усмирителемъ и гасителемъ свободнаго духа по всей Европѣ, навлекая на себя всеобщую ненависть.

Но еще больше подвизался на этомъ поприщѣ Николай I. Онъ довелъ свою армію до цѣлаго милліона штыковъ и почти всю свою жизнь проводилъ въ военныхъ парадахъ и въ муштровкѣ своихъ солдатъ. Поэтому его армія считалась самой страшной въ цѣлой Европѣ, и ея очень боялись всѣ другіе государи. Слово Николая I много значило при рѣшеніи европейскихъ дѣлъ. Самодержавные государи опирались на него, какъ на каменную гору. Онъ, подобно Александру I, считалъ себя хранителемъ священныхъ завѣтовъ самодержавія и исполнялъ роль всесвѣтнаго политическаго усмирителя. Когда во Франціи вспыхнула въ 1830 году революція, причемъ король Карлъ X, стремившійся къ усиленію своей власти, былъ прогнанъ съ престола, то Николай I

издалъ даже манифестъ, въ которомъ грозилъ Франціи войной. Эту французскую революцію, случившуюся въ іюлѣ мѣсяцѣ, онъ иначе не называлъ, какъ «подлой іюльской революціей»; онъ отзывался о ней, какъ объ исчадіи ада, какъ о «борьбѣ адскихъ началъ съ божественными установленіями». Его военный министръ гр. Чернышевъ писалъ, что если бы всѣ европейскіе государи были похожи на русскаго императора, то «какъ должны были бъ трепетать зачинщики смутъ и мятежей». Николай I только того и ждалъ, чтобы ему представился случай уничтожить ненавистный ему свободный духъ не только у себя въ Россіи, но и въ цѣлой Европѣ. «Съ революціями шутить нельзя», говорилъ онъ одному изъ приближенныхъ прусскаго короля Герлаху, «ихъ надо подавлять по возможности скорѣе; иначе онѣ окажутся сильнѣе насъ».

Наконецъ, ему представился случай вмѣшаться въ европейскія дѣла. Въ 1848 году вспыхнуло огромное революціонное движеніе, сначала во Франціи, а затѣмъ и въ другихъ странахъ: въ Италіи, въ Пруссіи и въ Германской имперіи. Франція хотѣла установить у себя всеобщее избирательное право, а другіе народы стремились сбросить съ себя самодержавный гнетъ и установить выборное правительство изъ народныхъ представителей. То же самое произошло и въ Австріи, которая стояла тогда во главѣ Германской имперіи. Старый австрійскій министръ Меттернихъ, вѣрный союзникъ Александра I по гоненію на свободу, долженъ былъ скрыться изъ боязни, чтобы его не убили, а австрійскій императоръ бѣжалъ со своей семьей изъ столицы.

Австрія состояла тогда, какъ и теперь, изъ многихъ нѣмецкихъ и славянскихъ земель; къ славянскимъ народамъ, входящимъ въ составъ Австрійской им-

періи, принадлежали чехи, русины, поляки, кроаты; но кромѣ того въ составъ Австрійской имперіи входила еще Венгрія. Венгерскій народъ единодушно поднялся въ 1848 году противъ самодержавной власти австрійскаго императора; онъ потребовалъ себѣ выборнаго правительства, созвалъ свой народный сеймъ, провозгласилъ свободу печати, равномѣрное распредѣленіе налоговъ и отмѣну барщинныхъ повинностей въ деревняхъ.

Сначала побѣда была на сторонѣ возставшаго австрійскаго народа, и австрійскій императоръ уступилъ всѣмъ требованіямъ какъ своихъ нѣмецкихъ, такъ и своихъ венгерскихъ подданныхъ. Но потомъ, когда онъ увидѣлъ, что у него еще остались преданныя ему войска, а также узналъ, что нѣкоторыя подвластныя ему славянскія племена, какъ, напримѣръ, кроаты, враждовавшіе съ Венгріей, готовы были ему помогать, то онъ взялъ назадъ свои уступки и обѣщанія и сталъ подавлять силой революціонное движеніе. Въ нѣмецкихъ провинціяхъ это ему скоро удалось. Столичный городъ Вѣна былъ окруженъ войсками, подвергнутъ пушечному разстрѣлу и взятъ приступомъ. Многіе защитники свободы пали съ оружіемъ въ рукахъ, другіе были казнены. Послѣ этого въ нѣмецкихъ провинціяхъ былъ возстановленъ старый порядокъ, хотя уже не въ полномъ видѣ: нѣкоторыя дворянскія и помѣщичьи права были тамъ уничтожены навсегда.

Но въ Венгріи движеніе было труднѣе подавить. Венгерскіе народные вожди (главный изъ нихъ назывался Людвигъ Кошутъ) объявили всеобщее ополченіе въ своей странѣ и собрали болѣе 50.000 хорошо вооруженнаго войска. Это венгерское народное ополченіе успѣшно боролось съ австрійской арміей и отбросило ее изъ предѣловъ Венгріи. Тогда австрій-

скій императоръ обратился за помощью къ русскому царю. Николай I только того и ждалъ; онъ сейчасъ же велѣлъ своему лучшему полководцу, фельдмаршалу Паскевичу двинуться въ Венгрію съ восьмидесятитысячной арміей. Тогда у австрійскаго императора оказалось вчетверо больше войска, чѣмъ у венгерцевъ. Борьба была слишкомъ неравная, и венгерцамъ пришлось сложить оружіе. За побѣдой послѣдовали казни и самыя жестокія преслѣдованія. Кошуту удалось бѣжать, но многіе другіе венгерскіе вожди были разстрѣляны или повѣшены; многіе участники возстанія были посажены въ тюрьмы или сданы въ солдаты въ австрійскую армію; австрійскій главнокомандующій Гейнау не щадилъ даже женщинъ. Эта жестокая помощь, оказанная русскими войсками въ подавленіи венгерскаго народа, надолго сохранилась въ памяти у всей Европы.

Такимъ образомъ, послѣ подвиговъ Александра I и Николая I относительно Россіи сложилось такое мнѣніе, что она не только сама находится въ политическомъ рабствѣ, но еще препятствуетъ политическому освобожденію другихъ народовъ. Понятно, что это не могло внушить къ ней любви и расположенія; напротивъ того, свободныя страны, а также всѣ народы, стремившіеся къ своему освобожденію, чувствовали къ ней большую вражду.

Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ европейскія правительства, даже и самодержавныя, даже тѣ, которыя искали помощи у Николая I для поддержанія своего самодержавія—какъ, напримѣръ, австрійское правительство—боялись военнаго могущества Россіи, боялись ея завоевательныхъ стремленій. Мы уже говорили, что въ дѣлѣ государственнаго управленія главное вниманіе русскихъ самодержавныхъ царей было обращено на усиленіе войска. Въ дѣтствѣ они играли въ деревян-

ные и оловянные солдатики, а въ зрѣломъ возрастѣ всего больше хлопотали объ увеличеніи своей арміи. Ради этого они не жалѣли никакихъ расходовъ. Военныя издержки всегда поглощали главную часть государственныхъ расходовъ въ Россіи, въ ущербъ народному благосостоянію. Самодержавные цари чувствовали, что власть ихъ опирается не на народную привязанность, а на военную силу; поэтому для укрѣпленія своей власти они не боялись разорять народъ, лишь бы только усиливалась послушная имъ армія. Когда при Николаѣ I нѣкоторые разумные люди жаловались на распространеніе винныхъ откуповъ, которые способствовали развитію пьянства въ народѣ, то министръ финансовъ Канкринъ говорилъ: «легко вамъ нападать на откупа, а вѣдь у насъ что ни кабакъ, то новый батальонъ войска» [1]).

Такимъ образомъ, войско въ Россіи расло не по днямъ, а по часамъ. Мы уже видѣли, что при Николаѣ I оно достигло милліона солдатъ. И вотъ эта грозная армія страшила всѣхъ европейскихъ государей, ибо они знали, что русскіе цари всю свою славу полагали въ военномъ могуществѣ. Имъ нельзя было гордиться ни благосостояніемъ, ни просвѣщеніемъ своего народа; русскій народъ жилъ въ нищетѣ и голодѣ и въ полной умственной темнотѣ. Оставалась только одна военная слава:

Сильнодержавный, царствуй на славу намъ,
Царствуй на страхъ врагамъ!

Самыми опасными замыслами со стороны русскаго правительства казались, въ глазахъ другихъ государствъ, ея замыслы на Турецкую имперію. Извѣстно, что Турецкая имперія возникла на развалинахъ Гре-

---

[1]) Князь С. П. Трубецкой. *Время царствованія Николая I.*

ческаго или Византійскаго государства. Около четырехъ съ половиной столѣтій тому назадъ турки стали завоевывать греческое государство и взяли Константинополь (въ 1453 г.), а потомъ подчинили себѣ славянскія государства, примыкавшія съ сѣвера къ Греціи: Сербію и Болгарію, и образовали обширную Турецкую или Оттоманскую имперію. Но съ теченіемъ времени эта Турецкая имперія утратила свой воинственный характеръ и стала приходить въ упадокъ. Управленіе въ ней было самодержавное, а слѣдовательно сопровождалось, какъ и при всякомъ самодержавіи, продажностью чиновниковъ и казнокрадствомъ; кромѣ того, эта имперія состояла въ большей своей части изъ завоеванныхъ народовъ, изъ славянъ и грековъ, которые только и думали о томъ, какъ бы имъ освободиться отъ турецкаго гнета. Вслѣдствіе этого турецкіе султаны съ трудомъ поддерживали свое господство. Главный ихъ способъ поддержанія своей власти заключался въ томъ, что они призывали къ себѣ на службу изъ Азіи полудикихъ курдовъ и составляли изъ нихъ свое иррегулярное войско, вродѣ нашихъ казаковъ. Этому иррегулярному войску они позволяли безнаказанно своевольничать и грабить своихъ вѣрноподданныхъ, особенно болгаръ и сербовъ; а когда эти вѣрноподданные пытались поднимать возстанія, то лихіе турецкіе казаки, называемые баши-бузуками, усмиряли ихъ огнемъ и мечомъ, во славу турецкаго самодержавія.

Но понятно, что завоевать Турецкую имперію другому большому государству было бы очень легко. У турецкаго правительства не было ни денегъ, ни хорошо обученной арміи. Усмирять безоружныхъ вѣрноподданныхъ оно могло очень успѣшно даже съ помощью полудикихъ баши-бузуковъ, но во всѣхъ своихъ войнахъ съ другими государствами оно всегда терпѣло пораженія. Извѣстно, что одерживать кровопро-

литныя побѣды надъ «внутреннимъ врагомъ», разстрѣливать крестьянъ и жечь беззащитныя деревни—гораздо легче, чѣмъ одерживать побѣды на поляхъ сраженій.

И вотъ, западно-европейскія государства очень боялись, чтобы Турецкая имперія не была завоевана Россіей. У Россіи было огромное войско, и всѣмъ было извѣстно, что русское самодержавное правительство еще со временъ Екатерины II имѣло виды на Константинополь. Имѣлъ на него виды и Николай I. Онъ вообще чрезвычайно гордился своимъ военнымъ могуществомъ, считалъ себя покровителемъ всѣхъ славянскихъ народовъ и любилъ повторять въ своихъ манифестахъ хвастливые священные тексты, вродѣ слѣдующихъ: «Господь избавитель нашъ—кого убоимся!» или: «Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ»!

Въ Европѣ, кромѣ Россіи и Польши, существовало еще много земель, населенныхъ славянскими племенами: Галиція, Моравія, Богемія, Сербія, Болгарія, Боснія, Черногорія. Однѣ изъ этихъ земель принадлежали и принадлежатъ до сихъ поръ къ Австріи, а другія находились тогда подъ владычествомъ Турціи. Многіе русскіе поклонники самодержавія мечтали о томъ, чтобы соединить всѣ эти славянскія земли подъ властью одного самодержавнаго царя и образовать огромную всеславянскую имперію. Мечтали объ этомъ также и наши самодержавные правители, не понимавшіе никакой другой славы, кромѣ славы военнаго могущества.

Но такое усиленіе военнаго могущества Россіи вовсе не улыбалось другимъ большимъ западно-европейскимъ государствамъ: Англіи, Франціи, Австріи и Пруссіи; напротивъ того, они очень боялись этого. Въ этихъ странахъ боялись усиленія Россіи не только правительства и богатые классы, но также и рабочія

массы, уже сознавшія свои интересы. Правительства и богатые классы боялись усиленія Россіи изъ зависти и расчета: они сами стремились захватить подъ свою власть побольше населенныхъ земель, чтобы собирать съ нихъ подати и извлекать торговыя выгоды. Особенно дорожили въ этомъ случаѣ сохраненіемъ въ цѣлости Турецкой имперіи англійскіе и французскіе богатые классы, ибо они вели съ Турціей большую торговлю, а благодаря бѣдности и слабости турецкаго правительства держали его въ своихъ рукахъ. Если бы Турецкая имперія съ Константинополемъ была завоевана Россіей, то тогда торговля со всѣми народами, населяющими Балканскій полуостровъ, находилась бы уже подъ надзоромъ русскаго правительства, оно могло бы облагать пошлинами англійскіе и французскіе товары и покровительствовать русскимъ купцамъ. Вотъ почему богатые классы въ Англіи и Франціи желали во что бы то ни стало поддержать цѣлость Турецкой имперіи и не допустить ея завоеванія Россіей.

Но, кромѣ богатыхъ классовъ, этого не хотѣли и этого очень боялись всѣ просвѣщенные люди въ Европѣ, а также сознательныя рабочія массы, стремившіяся къ своему политическому и экономическому освобожденію. Мы уже говорили о томъ, какую роль играла въ Европѣ самодержавная Россія. Русское самодержавное правительство пріобрѣло себѣ славу усмирителя народовъ и защитника политическаго рабства. Оно стремилось къ тому, чтобы повсюду удержать старый порядокъ, сохранить неограниченную власть полиціи и духовенства, уничтожить науку, остановить всякое движеніе впередъ. Россійская имперія и безъ того уже давила на всю Европу своимъ громаднымъ войскомъ, а если бы она еще болѣе усилилась, то это было бы побѣда не свѣта, а мрака, побѣда не свѣтлой, а темной силы въ цѣлой

Европѣ. Вотъ почему усиленія могущества Россійской имперіи и ея завоевательныхъ стремленій страшились одинаково какъ высшіе классы, такъ и рабочія массы во всѣхъ главныхъ европейскихъ государствахъ.

Такимъ образомъ, Россія не имѣла союзниковъ въ Европѣ. Всѣ большія государства очень подозрительно слѣдили за каждымъ ея шагомъ и были готовы при первой опасности вступить противъ нея въ общій союзъ. Такъ это и случилось во время Крымской войны.

* * *

Ближайшая причина Крымской войны заключалась въ ссорѣ между греческими монахами православнаго вѣроисповѣданія и французскими монахами католическаго вѣроисповѣданія, жившими въ Іерусалимѣ, а Іерусалимъ находился, какъ и теперь, вмѣстѣ со всей Палестиной, во власти турецкаго султана. Православные и католическіе монахи постоянно ссорились и даже дрались между собою въ Іерусалимѣ, потому что никакъ не могли подѣлить доходовъ, которые они собирали съ богомольцевъ, приходившихъ поклониться святымъ мѣстамъ. И тѣ и другіе хотѣли захватить въ свои руки главныя іерусалимскія святыни, чтобы собирать съ нихъ деньги въ свою пользу. Такъ какъ окончательное рѣшеніе этихъ споровъ зависѣло отъ турецкаго султана, то и православные и католическіе монахи искали поддержки у другихъ европейскихъ державъ, которыя могли бы повліять въ ихъ пользу на турецкое правительство. Православные монахи обращались за этой поддержкой къ русскому царю, а католическіе—къ французскому правительству. И вотъ въ 1853 году разгорѣлся съ новой силой споръ между православ-

ными и католическими монахами за обладаніе іерусалимскими святынями. Англійскій посланникъ попробовалъ было помирить враждующихъ монаховъ и уговорилъ султана назначить смѣшанную комиссію изъ представителей обѣихъ сторонъ, чтобы уладить дѣло. Но Николай I отправилъ въ Константинополь своего посла съ требованіемъ, чтобы турецкое правительство признало преимущественныя права на іерусалимскія святыни за православнымъ духовенствомъ, въ противномъ случаѣ грозилъ войной. Турецкое правительство попало между двухъ огней: съ одной стороны оно боялось Россіи, а съ другой стороны боялось Англіи и Франціи, послы которыхъ также грозили ему, причемъ указывали на ту опасность, что всѣ славянскіе подданные султана очень желали соединиться съ Россіей и что только другія европейскія государства могли спасти его отъ окончательной гибели. Султанъ, въ такой крайности, счелъ за лучшее послушаться англійскаго и французскаго пословъ и отказалъ Россіи въ ея требованіяхъ. Тогда Николай I отозвалъ своего посла изъ Константинополя и занялъ войсками Румынію, которая находилась подъ властью султана. Султанъ объявилъ Россіи войну, а черезъ нѣкоторое время послѣ того объявила войну Россіи и Англія съ Франціей (въ февралѣ 1854 года). Австрія и Пруссія, на дружбу которыхъ такъ надѣялся Николай I, не только не поддержали его, но, напротивъ того, сами стали грозить ему войной, если онъ не очиститъ вскорѣ Румынію и если онъ, въ случаѣ побѣды надъ турками, перейдетъ Балканы. Такимъ образомъ, противъ Россіи въ союзѣ оказались всѣ европейскія государства.

Надо замѣтить, что самъ по себѣ вопросъ объ іерусалимскихъ монахахъ не былъ достаточно важнымъ, чтобы изъ-за него началась война; причина войны лежала въ томъ, что всѣ европейскія державы относи-

лись крайне враждебно къ Россіи. Если бы Россія не вызвала къ себѣ такой вражды со стороны всей Европы, то султанъ, конечно, не рѣшился бы воевать. Англійскій посланникъ въ Петербургѣ лордъ Сеймуръ, изъ личнаго расположенія къ Николаю, предупреждалъ его, чтобы онъ былъ осторожнѣе. Но Николай отвѣтилъ ему, что онъ никого не боится и что онъ вѣритъ «въ свою военную силу, въ помощь австрійцевъ и пруссаковъ, а также въ дружбу къ нему англійской королевы Викторіи» [1]). Сеймуръ отвѣтилъ на это, что королева Викторія мало значитъ въ англійскихъ дѣлахъ, что въ Англіи государственныя дѣла рѣшаются не королевой, а парламентомъ и въ зависимости отъ общественнаго мнѣнія, которое было очень враждебно къ Россіи. Но Николай опять повторилъ, что онъ надѣется на свою силу, надѣется на помощь Австріи и Пруссіи и не можетъ повѣрить, чтобы голосъ королевы Викторіи ничего не значилъ въ англійскихъ дѣлахъ. Такъ изъ этого предупрежденія ничего и не вышло. Англійскій посланникъ Сеймуръ былъ единственнымъ человѣкомъ изъ всѣхъ иностранныхъ пословъ, который искренно желалъ добра Николаю и хотѣлъ раскрыть ему глаза на положеніе дѣлъ; но Николай I былъ самодержецъ и, какъ всѣ самодержцы, пребывалъ въ неисправимой слѣпотѣ. Князь Васильчиковъ передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что приближенный къ царю генералъ Тимашевъ также предупреждалъ съ своей стороны Николая относительно плохого вооруженія русскихъ войскъ, но тотъ возразилъ рѣшительнымъ тономъ, что у него такъ много войска, «что онъ постоянно будетъ сильнѣе своихъ враговъ, а потому никого не боится» [2]).

---

[1]) См. книгу Барсукова: «Жизнь и труды Погодина», т. XIII, стр. 10.

[2]) Барсуковъ, т. XIII, стр. 4.

Такимъ образомъ, въ дѣлѣ возникновенія бѣдственной Крымской войны, стоившей Россіи неисчислимаго множества жизней, самодержавное правительство обнаружило всѣ свои пагубныя свойства.

Во-первыхъ, оно вызвало къ себѣ вражду во всѣхъ странахъ. Англійскій и французскій народы, напримѣръ, вовсе не слѣпо повиновались своимъ правительствамъ и высшимъ классамъ; если бы эти правительства захотѣли начать войну только изъ-за своихъ собственныхъ выгодъ, то народныя массы могли бы помѣшать этому, особенно же во Франціи, гдѣ значительная часть народа даже прямо ненавидѣла Наполеона III, захватившаго силою императорскую власть. Но когда зашла рѣчь о войнѣ съ Россіей, то какъ англійскій, такъ и французскій народы, во всемъ своемъ составѣ, вполнѣ одобрили эту войну и шли на нее даже съ большимъ одушевленіемъ. Какъ мы уже говорили, они боялись и ненавидѣли русское самодержавное правительство, которое вмѣшивалось съ своимъ войскомъ въ чужія дѣла и вездѣ поддерживало мракъ и насиліе.

Во-вторыхъ, русское самодержавіе обнаружило свои пагубныя свойства въ этой бѣдственной для Россіи войнѣ еще и тѣмъ, что оно, вслѣдствіе своего ослѣпленія, совсѣмъ не понимало настоящаго положенія дѣлъ. Николай I былъ друженъ съ англійской королевой Викторіей, состоялъ въ близкомъ родствѣ съ прусскимъ королемъ и помогъ австрійскому императору подавить венгерское возстаніе. И вотъ онъ думалъ, что ему можно не бояться ни Англіи, ни Пруссіи, ни Австріи. Для этого ослѣпленнаго властью человѣка все сводилось къ однимъ царствующимъ фамиліямъ; на народы же онъ не обращалъ ровно никакого вниманія. Коли онъ друженъ съ королевой Викторіей, то какое ему дѣло до англійскаго народа? Онъ былъ въ родствѣ съ прусскимъ королемъ, это

значило, что вся Пруссія была на его сторонѣ. Онъ помогъ австрійскому императору подавить Венгрію, это значило, что вся Австрія была ему навсегда благодарна. Когда онъ былъ въ Англіи, то мы видѣли, что онъ нисколько не интересовался англійскимъ парламентомъ, а потому не имѣлъ никакого понятія о томъ, какое значеніе имѣлъ этотъ парламентъ въ государственныхъ дѣлахъ, также о томъ, какъ относятся къ Россіи—не королева Викторія, а англійскіе граждане. Поэтому онъ имѣлъ самое ложное представленіе о дѣйствительномъ положеніи вещей и слѣпо шелъ на большую опасность, увлекая за собою Россію. Въ то время, какъ онъ толковалъ Сеймуру о своей дружбѣ съ королевой Викторіей и о своей надеждѣ на прусскаго короля и на австрійскаго императора, въ Константинополѣ англійскій посланникъ Редклифъ уже вступилъ въ соглашеніе съ австрійскимъ и прусскимъ посланниками, чтобы дѣйствовать совмѣстно противъ Россіи; а французскій посолъ все время только о томъ и хлопоталъ, чтобы затруднить переговоры и вызвать войну [1]).

Наконецъ, Николай I, опять-таки по общему свойству всѣхъ самодержавныхъ правителей, не имѣлъ вѣрнаго понятія о томъ, въ какомъ положеніи находились его собственныя военныя силы; а между тѣмъ, вслѣдствіе расточительности царскаго двора, а также вслѣдствіе невѣжества и казнокрадства царскихъ чиновниковъ, военныя силы Россіи находились въ самомъ плачевномъ положеніи. Николай I гордился только однимъ, что у него было много солдатъ—цѣлый милліонъ; этого онъ могъ легко достигнуть, такъ какъ никто не мѣшалъ ему брать съ народа сколько угодно рекрутовъ и держать ихъ на службѣ по 25 лѣтъ;

---

[1]) См. М. Богдановичъ. Восточная война, т. I, стр. 64.

затѣмъ онъ гордился также тѣмъ, что его солдаты были такъ хорошо вымуштрованы, что боялись даже дышать въ строю, и слова не смѣли вымолвить передъ начальствомъ. По своему недостаточному образованію, онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что въ этомъ именно и заключалась вся военная сила. Но вотъ какъ отзывались о русской арміи понимающіе дѣло иностранцы, а также умные люди изъ среды самихъ русскихъ офицеровъ.

При Николаѣ первомъ въ Россію пріѣхалъ прусскій офицеръ Нацмеръ съ приказаніемъ отъ своего короля присутствовать на маневрахъ русской арміи; побывавъ на этихъ маневрахъ, вотъ что онъ писалъ изъ Петербурга въ своемъ докладѣ:

«Самые солдаты этой грозной арміи, какъ всѣмъ извѣстно, превосходны и не оставляютъ желать ничего лучшаго. Но, къ *нашему счастью*, всѣ безъ исключенія оберъ-офицеры никуда не годны, а большая часть офицеровъ въ высшихъ чинахъ также немногимъ ихъ лучше. Лишь малое число генераловъ помышляютъ о своемъ истинномъ призваніи, а прочіе, наоборотъ, думаютъ, что достигли всего, если имъ удастся удовлетворительно провести свой полкъ церемоніальнымъ маршемъ передъ государемъ. Никто не думаетъ о высшемъ образованіи среди офицеровъ и о цѣлесообразныхъ упражненіяхъ войскъ» [1]).

Вполнѣ согласно съ этимъ отзывомъ нѣмецкаго офицера, отзывался о русской арміи также и знаменитый кавалерійскій генералъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, прославившійся своими военными подвигами въ 1812 г. Вотъ что онъ писалъ о состояніи русской арміи при Николаѣ I:

---

[1]) Шильдеръ. *Царствованіе Николая I*, стр. 100.

«Изученіе ремешковъ, устава, вытягиваніе носковъ и выдѣлываніе ружейныхъ пріемовъ, коими щеголяютъ всѣ наши фронтовые генералы и офицеры, служитъ для нихъ источникомъ самыхъ высшихъ наслажденій. Потому и ряды арміи постепенно наполняются лишь грубыми невѣждами, съ радостью посвящающими всю свою жизнь на изученіе мелочей военнаго устава. Лишь это знаніе можетъ дать полное право на командованіе различными частями войскъ, что приноситъ этимъ личностямъ значительныя беззаконныя выгоды, которыя правительство, повидимому, поощряетъ. Этотъ порядокъ получилъ, къ сожалѣнію, полную силу и развитіе со времени вступленія на престолъ императора Николая. Онъ и братъ его, великій князь Михаилъ Павловичъ, не щадятъ ни усилій, ни средствъ для доведенія этой отрасли военнаго искусства до самаго высокаго состоянія. И подлинно, относительно равненія шеренгами и выдѣлыванія ружейныхъ пріемовъ наша армія безконечно превосходитъ всѣ прочія. Но, Боже мой! Каково большинство генераловъ и офицеровъ, въ коихъ убито стремленіе къ образованію, вслѣдствіе чего они ненавидятъ всякую науку. Эти бездарные невѣжды полагаютъ, въ премудрости своей, что война ослабляетъ пріобрѣтенныя войскомъ въ мирное время фронтовыя свѣдѣнія, а потому лишь вредна для него» [1]).

Таково было войско Николая I. Это войско готовили не для войны, а для парадовъ и для усмиренія крестьянскихъ бунтовъ. Въ офицерахъ убивали всякое стремленіе къ образованію, дѣлали изъ нихъ грубыхъ невѣждъ, не понимающихъ, что значитъ истинная служба своей странѣ, а солдатъ старались обратить постоянной муштровкой въ слѣпое и послушное орудіе въ рукахъ начальства.

[1]) Шильдеръ. *Царствованіе Николая I*, стр. 104.

Такая подготовка войска необходимо должна была сказаться на войнѣ. Наши солдаты всегда отличались беззавѣтною храбростью; они смотрѣли на свое дѣло серьезно и шли умирать за отечество, а начальство обучало ихъ не для войны, а для усмиренія народа и для царскихъ парадовъ; оно выводило ихъ на поля сраженія неподготовленными къ настоящему военному дѣлу.

«Обученіе нашей пѣхоты—пишетъ генералъ М. Богдановичъ—ограничивалось чистотою ружейныхъ пріемовъ и точностью пальбы залпами»; а эта точность пальбы залпами заключалась въ томъ, чтобы при залпахъ всѣ солдаты стрѣляли въ одну и ту же секунду, такъ, чтобы слышался какъ бы одинъ выстрѣлъ; въ этомъ заключалось все искусство; точность же прицѣла, мѣткость стрѣльбы считались за второстепенное дѣло, да и стрѣляли наши солдаты на ученіяхъ всегда холостыми зарядами.

«Кавалерія—продолжаетъ генералъ Богдановичъ—была обезсилена столь же красивою, сколько и неловкою посадкой». Здѣсь также все вниманіе было обращено на то, чтобы кавалеристы красиво сидѣли на лошадяхъ; между тѣмъ, эта красивая посадка мѣшала имъ дѣлать свое дѣло на поляхъ сраженій.

Наконецъ—«артиллерія, по словамъ генерала Богдановича, отличалась болѣе быстротою движеній, нежели мѣткостью выстрѣловъ. Маневры, производимые въ мирное время (т.-е. примѣрныя сраженія, при которыхъ пѣхота, кавалерія и артиллерія обучаются вмѣстѣ), были очень красивы, но мало поучительны» [1]).

Таковъ отзывъ объ арміи Николая I другого безпристрастнаго свидѣтеля, генерала Богдановича, на-

[1]) М. И. Богдановичъ. *Восточная война 1853—1856 годовъ*, т. I, стр. 93.

писавшаго большую книгу о Крымской войнѣ. Между тѣмъ, обученіе арміи много значитъ для военнаго дѣла. Само собою понятно, что если, напр., кавалеристовъ пріучили красиво, но не твердо держаться въ сѣдлѣ, то во время скачки на поляхъ сраженій они непремѣнно будутъ падать съ лошадей. Трудно было ожидать также, чтобы русская пѣхота мѣтко стрѣляла изъ ружей, когда все ея обученіе стрѣльбѣ производилось холостыми зарядами, причемъ главное вниманіе обращалось на то, чтобы солдаты научились стрѣлять всѣ вразъ, какъ будто бы изъ одного ружья.

Замѣтьте также, что на обученіе этого огромнаго войска были направлены всѣ старанія царскаго правительства. Ничѣмъ оно не занималось съ такимъ усердіемъ, какъ солдатской муштровкой. Самъ царь только то и дѣлалъ, что скакалъ изъ Петербурга въ Чугуевъ, изъ Чугуева въ Варшаву и производилъ смотры; все русское офицерство напоминало извѣстнаго Скалозуба въ комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума»: кромѣ военной муштровки они ровно ничего не знали и не понимали. Наконецъ, солдаты выносили на своихъ спинахъ несчетное количество розогъ и палокъ за малѣйшія ошибки при фронтовомъ ученіи. И вотъ, при всѣхъ этихъ стараніяхъ и жертвахъ русское войско все-таки оказывалось вовсе негоднымъ къ военному дѣлу. Отчего же это происходило? Оттого, что «никто не думалъ о высшемъ образованіи среди офицеровъ»— какъ писалъ Нацмеръ; оттого, что «армія наполнялась грубыми невѣждами, посвящавшими всю свою жизнь мелочамъ военнаго устава»—какъ писалъ Давыдовъ; оттого, что императоръ Николай I и его братъ Михаилъ Павловичъ употребляли всѣ свои усилія на то, чтобы «убить въ офицерахъ стремленіе къ образованію» и поселить въ нихъ «ненависть ко всякой наукѣ».

А зачѣмъ имъ надо было «убить въ офицерахъ стремленіе къ образованію» и поселить въ нихъ ненависть ко всякой наукѣ? Затѣмъ, что только мало образованный офицеръ, только такое офицерство, которое сплошь состояло изъ грубыхъ невѣждъ, могло служить вѣрою и правдою не своему народу, а самодержавію, могло съ легкимъ сердцемъ разстрѣливать народъ по приказанію самодержавной власти. Такъ все это тѣсно связано одно съ другимъ при самодержавномъ образѣ правленія; такъ все цѣпляется одно за другое и ведетъ страну не только къ внутреннимъ бѣдствіямъ и неурядицамъ, но также къ бѣдствіямъ и пораженіямъ во время внѣшнихъ войнъ.

* * *

Но мало того, что русское войско было плохо обучено военному дѣлу при самодержавномъ правительствѣ,—оно было еще кромѣ того плохо вооружено. Оно было вооружено старыми, негодными ружьями, въ то время, какъ у англичанъ и французовъ ружья у солдатъ были самой лучшей системы. Объ этомъ также единогласно свидѣтельствуютъ всѣ историки Крымской войны:

«Вооруженіе нашей арміи было весьма недостаточно», пишетъ генералъ Богдановичъ: «въ то время, когда значительная часть пѣхоты иностранныхъ армій уже имѣла нарѣзныя ружья, и вся ихъ пѣхота была вооружена ударнымъ ружьемъ, у насъ въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ все еще существовали кремневыя ружья».

А вотъ что говоритъ по этому поводу другой историкъ Крымской войны, Дубровинъ, также генералъ русской службы, и притомъ писавшій свою исторію по порученію наслѣдника Александра Александро-

вича, бывшаго потомъ императоромъ Александромъ III.

«Даже при одинаковомъ вооруженіи всѣ выгоды находились на сторонѣ союзниковъ, а если вспомнить при этомъ, что большинство нашихъ войскъ были вооружены гладкоствольнымъ оружіемъ, а союзники нарѣзнымъ, то неравенство положеній дѣлается еще болѣе рѣзкимъ. Наша пѣхота могла открывать огонь только на разстояніи 300 шаговъ, тогда какъ непріятель открывалъ огонь по нашимъ войскамъ съ разстоянія 1200 шаговъ и болѣе. Находясь внѣ досягаемости нашихъ выстрѣловъ, непріятельскіе стрѣлки съ полнымъ спокойствіемъ и безопасностью били на выборъ [1])».

«Штуцерный огонь непріятеля,—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—производилъ весьма непріятное впечатлѣніе на нашихъ солдатъ. Не понимая разницы въ вооруженіи, они удивлялись, что непріятельскихъ стрѣлковъ не было видно, а въ нашихъ рядахъ оказывалась убыль. Это особенно дурно дѣйствовало на полки, стоявшіе во второй линіи. Оставаясь въ бездѣйствіи, полки эти почти все время находились подъ самымъ убійственнымъ и учащеннымъ огнемъ непріятеля» [2]).

«Вступая въ бой», пишетъ также генералъ Тотлебенъ, «пѣхота наша точасъ же чувствовала превосходство непріятеля въ вооруженіи. Англійскія войска, вооруженныя штуцерами, открывали огонь съ дальняго разстоянія и наносили нашимъ войскамъ весьма чувствительный вредъ... Еще до сближенія съ непріятелемъ наши войска уже теряли значительную часть

---

[1]) *Дубровинъ*. Крымская война, т. I, стр. 263.
[2]) *Дубровинъ*. Крымская война, стр. 244.

своихъ начальниковъ, что естественно должно было ослабить ихъ духъ» [1]).

Въ такомъ невыгодномъ и даже бѣдственномъ положеніи находились наши войска по сравненію съ непріятельскими войсками. Легко себѣ представить, каково было нашимъ солдатамъ выходить на поле сраженія со своими негодными ружьями, когда противъ нихъ стояли войска, стрѣлявшія въ четыре раза дальше! А вѣдь между тѣмъ судьба всей Крымской кампаніи зависѣла отъ сраженій въ открытомъ полѣ. Севастопольская крѣпость рано или поздно необходимо должна была погибнуть подъ непріятельскими пушками,—если только осадная армія могла-бы безпрепятственно дѣлать свое дѣло. Вотъ почему наши главнокомандующіе пытались четыре раза освободить Севастополь, принуждая противника принять сраженіе въ открытомъ полѣ; четыре раза русскія войска вступали въ кровопролитную битву съ непріятельской арміей: при рѣкѣ Альмѣ, подъ Балаклавой, при Инкерманѣ и у Черной рѣчки. Если бы непріятель былъ разбитъ въ одномъ изъ этихъ сраженій, то онъ долженъ былъ бы снять осаду. И наши солдаты, какъ всегда, проявляли львиное мужество въ этихъ сраженіяхъ: «Стойкость, мужество и храбрость русскаго солдата», пишетъ Дубровинъ, «возбудили глубокое уваженіе къ нему самихъ противниковъ. Они видѣли, что всѣ полки, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло, оказали чудеса храбрости, что всѣ начальники частей, полковые и батальонные командиры, лично водили ихъ въ штыки и умирали передъ колоннами. Это имѣло такое сильное нравственное вліяніе на англо-французовъ, что самонадѣянность ихъ смѣнилась

---

[1]) Тамъ же, стр. 247—248.

осторожностью, какъ слѣдствіемъ глубокаго уваженія къ доблестямъ русскаго солдата» [1]).

Такимъ образомъ, русскіе солдаты дѣлали съ своей стороны все возможное, чтобы спасти Севастополь; не смотря даже на всѣ преимущества, которыя были на сторонѣ противника, они иногда были близки къ побѣдѣ, какъ напримѣръ, въ сраженіи при Инкерманѣ. Въ сраженіи при рѣкѣ Альмѣ русскія войска также проявили чудеса храбрости.

Отчего-же при такой стойкости сраженіе на Альмѣ было неудачно?—спрашивали всѣ.—Оттого, отвѣчалъ одинъ изъ участниковъ боя, что никто не умѣлъ приказывать. Этотъ день, говорилъ генералъ Кишинскій, останется навсегда памятнымъ своимъ безпорядкомъ и неумѣніемъ выбирать главныхъ начальниковъ» [2]).

Что же могли подѣлать русскіе солдаты при всей своей храбрости и при всемъ своемъ самоотверженіи, когда у нихъ было никуда негодное вооруженіе, а также никуда негодные главнокомандующіе?

Это послѣднее обстоятельство, т. е. неспособность нашихъ главнокомандующихъ, играла также огромную роль въ бѣдствіяхъ Крымской войны. Неспособностью своихъ главнокомандующихъ всегда славилась русская армія. Недаромъ, во время русско-турецкой войны 1877 г., въ заграничныхъ газетахъ русскихъ солдатъ рисовали съ львиными головами, а русскихъ генераловъ—съ ослиными. Такъ было и теперь. Старикъ Аксаковъ, горячій патріотъ, писалъ въ 1854 г. Погодину: «Я боюсь не Европы, на насъ возстающей, а боюсь за выборъ *главнокомандующихъ*, которыхъ понадобится нѣсколько». Выборъ Николая I палъ на князя Меньшикова, которому была поручена обо-

---

[1]) *Дубровинъ*, т. I, стр. 267.
[2]) Тамъ же, стр. 261.

рона Севастополя и всего Крыма. Это былъ хитрый и умный царедворецъ, но никуда негодный полководецъ. «Основная черта его характера заключалась, по словамъ князя Васильчикова, въ недовѣріи ко всѣмъ окружающимъ его личностямъ. Въ каждомъ изъ своихъ подчиненныхъ онъ видѣлъ недоброжелателя, подкапывающагося подъ его высшее командованіе». Такъ какъ самъ онъ ничѣмъ не умѣлъ распорядиться, а своихъ способныхъ помощниковъ подозрѣвалъ въ козняхъ противъ него, то онъ ничего не предпринималъ даже по заготовленію провіанта, и не разрѣшалъ инженерамъ самыхъ нужныхъ работъ по укрѣпленію Севастополя съ суши, а потому «въ минуту высадки союзниковъ ничего не было соображено и изучено для обороны, и наступленіе непріятеля застало крымскія войска врасплохъ» [1]).

Понятно, что такія свойства главнокомандующаго не могли хорошо дѣйствовать на русскую армію. «Два дня прошлялся я въ лагерѣ», пишетъ тотъ же князь Васильчиковъ, «и видѣлъ всеобщее уныніе и грусть; видѣлъ, что между войсками и ихъ главнокомандующимъ не было никакого общенія; видѣлъ, какъ начальникъ проѣзжалъ передъ войсками, никогда съ ними не здороваясь; видѣлъ какъ люди сурово и молча посматривали на этого начальника,—и удивлялся! Видѣлъ, наконецъ, современную безтолковщину въ администраціи»...

Въ Севастополѣ, во все время осады, оставался при своей церкви протоіерей Лебединцевъ, который, по порученію одесскаго архіепископа Иннокентія, сообщалъ ему день за днемъ всѣ свѣдѣнія о ходѣ войны. И вотъ что писалъ ему этотъ протоіерей Лебединцевъ о севастопольскомъ главнокомандующемъ:

---

[1]) *Барсуковъ*. Жизнь и труды Погодина, т. XIII, стр. 140.

«Надежда наша была и есть паче на Бога, нежели на силы человѣческія. Слышалъ, какъ всѣ въ войскѣ, отъ мала до велика, недовольны распоряженіями князя Меньшикова. Гласъ народа—гласъ Божій. И нельзя въ семъ гласѣ не признать истины... Много разныхъ толковъ, но ни одного въ пользу нашего главнокомандующаго... Князь Меньшиковъ ничего не предпринимаетъ и свои мысли скрываетъ даже отъ своей фуражки, которую сжегъ бы, если бы она узнала ихъ. Эта непонятная таинственность и бывшія неудачи тягостное производятъ вліяніе на всѣхъ, а главное, на армію, которая крайне нерасположена къ своему главнокомандующему» [1]).

Самымъ важнымъ сраженіемъ, въ теченіе всей севастопольской осады, было Инкерманское. Отъ этого сраженія зависѣла судьба всей Крымской войны, потому что союзники еще не успѣли тогда подвезти всѣ свои войска, и численный перевѣсъ былъ въ эту минуту на нашей сторонѣ. Войска наши «горѣли желаніемъ помѣряться съ непріятелемъ»—пишетъ объ этомъ дѣлѣ генералъ Богдановичъ. «Они сражались такъ храбро, что едва не загладили ошибки своихъ начальниковъ, бывшія причинами понесенной нами неудачи. Первою и главною изъ этихъ ошибокъ была та, что князь Меньшиковъ не воспользовался превосходствомъ своихъ силъ и, предпринявъ рѣшительное наступленіе, оставилъ въ бездѣйствіи болѣе трети своихъ войскъ» [2]).

«Объ Инкерманскомъ сраженіи, дѣйствительно страшномъ, пишетъ протоіерей Лебединцевъ, «и доселѣ толки идутъ. Всѣ винятъ единогласно князя Меньшикова, который не объявляетъ свои планы даже тогда,

---

[1]) *Барсуковъ*, т. XIII, стр. 181.
[2]) *Богдановичъ*, т. III, стр. 154.

когда ведетъ войска въ дѣла. Князь недоволенъ будто-бы генераломъ Данненбергомъ, но всѣ генералы недовольны штабомъ главнокомандующаго».

На другой день послѣ этого неудачнаго сраженія, въ которомъ было убито болѣе 10,000 русскихъ солдатъ, князь Васильчиковъ рано утромъ пришелъ на пароходъ, на которомъ помѣщался князь Меньшиковъ. На палубѣ встрѣтилъ онъ генеральнаго штаба полковника Герсеванова, состоявшаго при князѣ. Онъ держалъ въ рукахъ какой-то свертокъ бумаги, размахивалъ имъ во всѣ стороны и взволнованнымъ отъ негодованія голосомъ обратился къ князю Васильчикову съ такими словами: «Вотъ какъ у насъ дѣла дѣлаются! Вчера мы давали рѣшительное сраженіе, а сегодня доставленъ къ намъ планъ той мѣстности, на которой происходило сраженіе; вотъ фельдъ-егерь, который сію только минуту прибылъ съ этой посылкой».

Оказалось, что у русской арміи не было даже плана той мѣстности, на которой она была расположена, и этотъ планъ былъ доставленъ только на другой день послѣ сраженія, вслѣдствіе чего «наши войска, во время своего наступательнаго движенія неоднократно натыкались на крутые обрывы овраговъ, непроходимыхъ для артиллеріи, и не разъ лишилась оттого полезнаго дѣйствія этого оружія» [1]).

Итакъ, повторяемъ: что-же могли сдѣлать русскіе солдаты, при всей ихъ необычайной храбрости и при всемъ ихъ самоотверженіи, съ такими главнокомандующими и съ такими порядками? Они могли только безропотно умирать и мужественно отдавать свою жизнь отечеству, которое находилось въ негодныхъ рукахъ. Негодными были высшіе порядки въ государствѣ, а потому негодными были и главнокомандую-

---

[1]) «Русскій архивъ», 1891 г., № 6.

щіе. Въ той-же самой севастопольской арміи, которою предводительствовалъ Меньшиковъ, находились замѣчательно способные и любимые солдатами начальники: Корниловъ, Нахимовъ, Истоминъ, Хрулевъ и др. Они одиннадцать мѣсяцевъ отстаивали Севастополь, когда дѣло было уже погублено высшими командирами. Они не щадили себя и почти всѣ были убиты точно такъ же, какъ тысячами погибали артиллеристы и матросы подъ страшнымъ огнемъ непріятельскихъ орудій. Тѣ дни, когда происходила бомбардировка Севастополя, смерть безжалостно косила людей, и городъ все болѣе и болѣе превращался въ груду развалинъ. Непріятель бросалъ по сорока и по пятидесяти тысячъ снарядовъ въ сутки. Севастополь покрывался густымъ облакомъ дыма. «Солнце свѣтило, но его не было видно. Громовые, потрясающіе всю окрестность залпы смѣнялись безпрерывнымъ гуломъ орудій, а потомъ снова раздавались съ прежней силой... Это былъ адъ, пожиравшій защитниковъ» [1].. И въ этомъ страшномъ аду самоотверженные солдаты подъ предводительствомъ своихъ любимыхъ адмираловъ и генераловъ исправляли разрушенныя укрѣпленія, отбивали штурмы и погибали безъ счета. Но они защищали безнадежное дѣло. Спасти Севастополь уже нельзя было, послѣ того какъ русскимъ войскамъ не удалось отбросить осаждавшую армію. Никакая храбрость и никакая умѣлость не могли исправить тѣхъ роковыхъ ошибокъ, которыя были сдѣланы главными командирами. И вотъ, всѣ лучшіе русскіе военные начальники, которыхъ было немало, безплодно погибли подъ стѣнами Севастополя. Ни одинъ изъ нихъ не попалъ въ главнокомандующіе: этимъ главнокомандующимъ былъ назначенъ любимецъ и приближенный царя, князь Меньшиковъ.

---

[1]) Богдановичъ, т. IV, стр. 81.

Здѣсь опять обнаруживается передъ нами одно изъ пагубныхъ свойствъ самодержавнаго образа правленія. Откуда было знать Николаю I о тѣхъ генералахъ, которыхъ цѣнили и любили русскіе солдаты. Развѣ къ этому самодержцу былъ открытъ доступъ народнымъ желаніямъ? Развѣ онъ дорожилъ тѣми людьми, которыхъ любили народныя массы? Ему нужны были такіе люди, которыхъ-бы народныя массы *боялись*, а не любили, которые умѣли бы внушать страхъ и усмирять неповиновеніе. Его окружали наилучшіе защитники не народа, а самодержавной власти. Тѣ самые люди, которые помогли ему истребить декабристовъ, а также тѣ, которые измѣнили декабристамъ и сдѣлались ихъ предателями,—тѣ самые люди и остались приближенными Николая I на всю его жизнь. Во всѣхъ секретныхъ комитетахъ, которые назначались Николаемъ I для рѣшенія самыхъ важныхъ государственныхъ дѣлъ, мы встрѣчаемъ одни и тѣ же имена: Чернышевъ, Бенкендорфъ, Дибичъ, Блудовъ, Корфъ, Орловъ, Панинъ, Перовскій, Закревскій и т. д.—вотъ кто окружалъ Николая I. Все это были лютые звѣри, свирѣпые сторожа, охранители самодержавной власти. Между ними не было любимцевъ народа. Они ничѣмъ не отличились въ безкорыстномъ служеніи народу, въ самоотверженной защитѣ общихъ народныхъ интересовъ; они отличились въ служеніи Николаю I, въ служеніи общему для нихъ съ нимъ дѣлу. Къ кругу такихъ-же любимцевъ самодержавія принадлежалъ и избранникъ Николая I, главнокомандующій крымской арміи, князь Меньшиковъ, который оттѣснилъ собою Нахимова, Корнилова, Хрулева и другихъ.

Но, кромѣ своей жестокости и неспособности, служители самодержавія отличаются еще своимъ корыстолюбіемъ. А между тѣмъ, въ ихъ рукахъ находится вся народная казна. Пополняется эта народная казна

кровными деньгами рабочихъ массъ, добываемыми по копѣечкѣ, но казна эта громадна. Также, какъ великъ и необъятенъ самъ народъ, такъ велика и необъятна его, народная, казна. Если даже малая частица этихъ сокровищъ прилипнетъ къ рукамъ царскихъ служителей, то каждый изъ нихъ дѣлается богачемъ. А между тѣмъ, надъ ними нѣтъ никакого надзора со стороны настоящаго владѣльца этихъ сокровищъ—со стороны самого народа. Они ни въ чемъ не отвѣчаютъ передъ нимъ; у нихъ въ рукахъ груды золота и всякихъ богатствъ, и никто не мѣшаетъ имъ брать. Соблазнъ слишкомъ великъ для нихъ, и вотъ мы видимъ, что всѣ эти самодержавные прислужники, начиная отъ самыхъ верховъ и до самыхъ низовъ, привыкаютъ не щадить народной копѣйки, по пословицѣ: «рука руку моетъ». Старшіе казнокрады наблюдаютъ за младшими казнокрадами, и всѣ вмѣстѣ дѣлятъ свою добычу.

Во все время царствованія Николая I мы безпрестанно встрѣчаемся съ происшествіями такого рода:

«Огромную сумму своровали генералы и полковники резервнаго корпуса. Они должны были препроводить на Кавказъ, къ князю Воронцову 17,000 рекрутъ и препроводили ихъ безъ одежды и хлѣба, нагихъ и голодныхъ, такъ что только меньшая часть ихъ пришла на мѣсто назначенія, остальные-же перемерли. Генералъ Тришатный былъ главный начальникъ корпуса и устроитель этихъ дѣлъ, и онъ-же былъ посланъ разслѣдовать ихъ. Онъ донесъ, что все обстоитъ благополучно, что рекрута благоденствуютъ, вѣроятно, на небесахъ, куда они отправились по его милости. Послали другого слѣдователя. Оказалось, что Тришатный своровалъ. Своровали и подчиненные ему генералы и полковники, и всѣ они воровали съ тѣхъ

самыхъ поръ, какъ получили, по своему положенію, возможность воровать» [1]).

Или такой случай: «Гвардейскій генералъ, любимецъ царя, красивый, бравый молодецъ, растратилъ деньги, которыя покойный императоръ Александръ I подарилъ Семеновскому полку» [2]).

Или въ такомъ родѣ: «Былъ нѣкто Политковскій правитель дѣлъ Комитета о раненыхъ. Въ комитетѣ накопился огромный капиталъ въ пользу инвалидовъ. Политковскій—камергеръ, тайный совѣтникъ, кавалеръ многихъ орденовъ, и пр. Онъ въ теченіе многихъ лѣтъ кралъ эти казенныя деньги, пышно жилъ, задавалъ пиры, содержалъ любовницъ. На-дняхъ онъ умеръ. Незадолго до его смерти открылось, что онъ укралъ *милліонъ двѣсти тысячъ рублей серебромъ*. Говорятъ, государь былъ очень огорченъ и разгнѣванъ. Въ самомъ дѣлѣ, горько видѣть такой развратъ, и не гдѣ-нибудь въ глуши, между приказной мелочью, а въ кругу людей значительныхъ, въ своей столицѣ, чуть не у себя дома» [3]).

О томъ, что дѣлалось въ глуши губерній, между приказной мелочью, ужъ и не говорилось даже. Всѣмъ было извѣстно, что тамъ шло поголовное воровство и казнокрадство. Вся Россія была отдана на разграбленіе и на съѣденіе арміи царскихъ чиновниковъ. Царское правительство даже не всегда заботилось о томъ, чтобы платить имъ жалованье: они получали иногда по 20, иногда по 10, а иногда даже по 4 р. въ мѣсяцъ, а проживали тысячи. Царское правительство разсуждало такъ: зачѣмъ платить вамъ жалованье;—вы все равно будете воровать.

---

[1]) *Дневникъ Никитенко*, т. I, стр. 484.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, т. I, стр. 543.

«Царь былъ очень огорченъ и разгнѣванъ», когда узналъ о воровствѣ Политковскаго; а между тѣмъ, тотъ же самый царь поддерживалъ казнями и разстрѣлами свой самодержавный порядокъ, при которомъ такое воровство было неизбѣжно. Отчего бы ему, вмѣсто того, чтобы печалиться и гнѣваться, не отдать подъ надзоръ народныхъ выборныхъ всѣ государственныя богатства и всѣ государственные расходы; первымъ же дѣломъ расходы своего собственнаго императорскаго двора, на который уходило въ годъ по 12 милліоновъ народныхъ денегъ? [1]).

* * *

Легко понять, въ какомъ положеніи при такихъ порядкахъ находилось въ царствованіе Николая I все его военное хозяйство.

«Въ 1853 году Россія не была готова къ войнѣ, несмотря на громадныя цифры воинскихъ чиновъ, числившихся по спискамъ нашей арміи»—читаемъ мы въ книгѣ генерала Богдановича; «на провіантскомъ продовольствіи состояло болѣе милліона нижнихъ чиновъ, а на фуражномъ—болѣе двухсотъ тысячъ лошадей; но разница между списочною и боевою силою была огромная» [2]). Много было войскъ на бумагѣ, а въ наличности ихъ оказалось гораздо меньше. Такъ всегда бы-

---

[1]) Въ 30-хъ годахъ въ Петербургъ пріѣзжалъ французскій путешественникъ маркизъ Кюстинъ и былъ приглашенъ на придворные балы въ Зим··ій дворецъ. И вотъ, даже онъ, видавшій великолѣпную жизнь французскихъ королей, былъ пораженъ необычайною роскошью русскаго царскаго двора. Праздники въ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ все утопало въ золотѣ и роскоши, гдѣ рѣкою лились дорогія вина, подавались самыя дорогія угощенія на тысячи званыхъ гостей, казались ему какимъ-то волшебнымъ сномъ, а не дѣйствительностью. Тутъ ужъ не считались не только копѣйки, но и сотни рублей народныхъ денегъ.

[2]) Восточная Война, т. I, стр. 92.

ваетъ при самодержавіи: «Взгляните на годовые отчеты», писалъ самъ великій князь Константинъ Николаевичъ въ ноябрѣ 1855 г. «вездѣ все хорошо, вездѣ успѣхи, вездѣ водворяется должный порядокъ. Взгляните на дѣло, всмотритесь въ него, отдѣлите суть отъ бумажной оболочки, и рѣдко гдѣ окажется плодотворная польза. Сверху блескъ, внизу гниль» [1]).

Такъ писалъ братъ новаго царя послѣ горькаго опыта Крымской войны. Но послужилъ ли этотъ горькій опытъ на пользу нашему самодержавному правительству? Объ этомъ мы узнаемъ изъ дальнѣйшей исторіи русскаго государства, а пока будемъ слушать другихъ свидѣтелей.

«Продовольствіе нижнихъ чиновъ было весьма скудно», опять свидѣтельствуетъ генералъ Богдановичъ, описывая состояніе войскъ передъ войной. «Имѣя въ изобиліи главную изъ составныхъ частей пороха—селитру, мы, вступивъ въ борьбу со всей Европой, терпѣли крайній недостатокъ въ порохѣ» [2]).

«Недостатокъ снарядовъ и пороху былъ такъ великъ, пишетъ другой историкъ Крымской войны, генералъ Дубровинъ, «что къ 31 марта (осада началась въ сентябрѣ) на нѣкоторыхъ батареяхъ было не болѣе 35 снарядовъ на орудіе, а между тѣмъ, въ складѣ севастопольскаго гарнизона оставалось только 4326 пудовъ пороха.—Какое несчастье, говорилъ главнокомандующій во время осады Севастополя, что я имѣю такъ мало пороха! Отъ этого зависитъ честь и слава Россіи» [3]).

Честь и слава Россіи зависѣла отъ количества пороха, а количество пороха зависѣло отъ казнокрадовъ

---

[1]) *Барсуковъ*, т. XIV, стр. 117.
[2]) *Богдановичъ*, т. I, стр. 93.
[3]) *Дубровинъ*, т. III, стр. 68.

провіантскаго вѣдомства. Итакъ, мы видимъ, что, начиная огромную кровопролитную войну, русское самодержавіе не имѣло въ своемъ распоряженіи ни достаточнаго войска (хотя Николай I думалъ, что у него милліонная армія), ни хорошаго вооруженія, ни даже пороху (хотя селитра въ Россіи была въ изобиліи). Въ такихъ надежныхъ рукахъ находились честь и слава Россіи.

Но въ этихъ рукахъ находились также здоровье и жизнь русскихъ солдатъ. Посмотримъ-же, въ какомъ положеніи были одежда, обувь, пища и медицинская часть Крымской арміи.

«Находившіяся на укрѣпленіяхъ войска не имѣли ни крова, ни теплой одежды и подвергались вредному дѣйствію непогоды. Находясь на оборонительной линіи безсмѣнно днемъ и ночью, съ самаго начала осады, солдаты принуждены были сами изобрѣтать средства для защиты отъ дождя и стужи. Въ то время солдаты не имѣли еще полушубковъ и довольствовались мундиромъ и шинелью. Въ ненастную погоду они мастерили себѣ такіе башлыки изъ рогожи, смотря на которые, дивовались и свои и французы» [1]).

Объ этомъ замѣчательномъ обмундированіи русскихъ солдатъ посредствомъ рогожъ говоритъ также и генералъ Тотлебенъ въ своемъ описаніи обороны Севастополя (часть I, стр. 660): «Было время, когда недостатокъ теплой одежды, полушубковъ, заставлялъ выдавать людямъ, находившимся въ траншеяхъ и на батареяхъ, рогожи и цыновки отъ сахарныхъ кулей».

«Непомѣрное число больныхъ въ нѣкоторыхъ донскихъ полкахъ», писалъ генералъ Врангель, «происходитъ отъ плохой и дурной обуви въ настоящую ненастную погоду. Большая часть казаковъ не имѣетъ

---

[1]) *Дубровинъ*, т. II, стр. 297.

полушубковъ, ходитъ въ оборванныхъ лѣтнихъ штанахъ и въ худыхъ сапогахъ» [1]).

«Правильность подвоза провіанта и фуража съ каждымъ днемъ нарушалась, и войска стали ощущать недостатокъ въ продовольствіи. Сухари и крупа выдавались неаккуратно, а лошади дня по три не имѣли ни овса, ни сѣна... Худоба лошадей дошла до того, что ни одной изъ нихъ нельзя было подтянуть, какъ слѣдуетъ подпруги» [2]).

Самъ главный интендантъ, генералъ Заттлеръ, на котораго обрушились потомъ всѣ обвиненія, признавалъ, что «сухари были дѣйствительно плохи, часто покрыты плѣсенью, а иногда даже и червями» [3]). Сухари эти «въ теченіе осени, зимы и весны, т. е. болѣе 8 мѣсяцевъ, хранились подъ открытымъ небомъ, прикрытые только мѣшками и рогожами; естественно, что въ дождливую погоду они подмачивались снизу и сверху и черезъ то плѣснѣвѣли, гнили и изъѣдались червями» [4]).

«Недостатокъ теплой одежды, конечно, былъ одною изъ причинъ, увеличивавшихъ число заболѣвавшихъ, и хотя для сбереженія здоровья нижнихъ чиновъ принимались всѣ возможныя мѣры, но дурная погода оказывала свое вліяніе. Въ войскахъ появились холера, изнурительныя лихорадки и кровавые поносы. Число больныхъ съ каждымъ днемъ быстро возростало, и къ 23 ноября въ госпиталяхъ и лазаретахъ находились 663 офицера и 27,911 нижнихъ чиновъ» [5]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 338.
[2]) Тамъ-же, стр. 326.
[3]) *Н. Соловьевъ*. «Скорбные листы Крымской Кампаніи». («Рус. Вѣстникъ», 1872 г., № 9).
[4]) Тамъ-же.
[5]) *Дубровинъ*, т. III, стр. 339.

«Войска представляли довольно печальный видъ. Отъ недостатка продовольствія и слишкомъ большого употребленія плодовъ въ арміи показались лихорадки и поносы. Въ Симферополѣ скопилось столько больныхъ, а въ особенности раненыхъ на рѣкѣ Альмѣ, что для размѣщенія ихъ въ единственномъ военномъ госпиталѣ не доставало мѣста. За недостаткомъ кроватей, матрацевъ и одѣялъ, больные валялись на полу, прикрываясь тѣмъ, что на нихъ было» [1]).

Извѣстно, что во время всякой войны гораздо больше людей погибаетъ отъ болѣзней и отъ плохого ухода за ранеными, чѣмъ на поляхъ сраженій; самымъ страшнымъ врагомъ солдатъ является дурная пища и одежда и плохое устройство госпиталей. Въ Крымскую войну убитыхъ и пропавшихъ безъ вѣсти на поляхъ сраженій было у насъ около ста тысячъ человѣкъ, а умершихъ отъ ранъ и болѣзней оказалось болѣе *четырехсотъ тысячъ*. У союзниковъ—англичанъ и французовъ—и убитыхъ и умершихъ въ госпиталяхъ было вдвое меньше [2]). За эту двойную и огромную потерю людей отъ болѣзней и ранъ Россія должна была благодарить не кого иного, какъ свои самодержавные порядки.

«Санитарная часть находилась въ самомъ плохомъ состояніи. О помощи раненымъ никто и не думалъ. Въ корпіи и бинтахъ чувствовался значительный недостатокъ; солдаты принуждены были для перевязки ранъ рвать собственныя рубашки, а между тѣмъ кладовыя симферопольской почтовой конторы были переполнены тюками съ корпіей и бинтами, летѣвшими со всѣхъ концовъ Россіи отъ доброхотныхъ жертвователей» [3]).

---

[1]) Тамъ-же стр. 264.
[2]) См. книгу Богдановича, т. IV, стр. 413—415.
[3]) *Дубровинъ*, т. I, стр. 272.

«Нѣсколько дней послѣ Инкерманскаго сраженія, Севастополь былъ буквально наполненъ ранеными, которые оставались не только безъ перевязки, но безъ крова и пищи, несмотря на всѣ усилія начальства. Чтобы удалить эту массу раненыхъ и больныхъ, рѣшено было отправить ихъ въ Симферополь... Но и тамъ, по недостатку медицинскихъ средствъ, больные находились въ бѣдственномъ положеніи. Нерѣдко приходилось имъ, по прибытіи въ Симферополь, проводить на повозкѣ полдня и болѣе; затѣмъ, не снимая съ нихъ окровавленнаго платья, ихъ укладывали за неимѣніемъ постелей, на полу, на рогожи или солому, госпитальная прислуга была крайне плоха» [1]).

Генералъ Тотлебенъ не отличался особымъ мягкосердечіемъ и не былъ врагомъ самодержавнаго правительства, а между тѣмъ вотъ что писалъ и онъ о положеніи раненыхъ:

«Этаповъ не было вначалѣ устроено, а дурныя дороги и неудобныя подводы, недостатокъ докторовъ, фельдшеровъ, перевязочныхъ матеріаловъ, лекарствъ, хирургическихъ инструментовъ, наконецъ, теплой одежды и котловъ для варки пищи производили разрушительное вліяніе на здоровье страждущихъ, въ особенности при перевозкѣ ихъ въ глубокую осень и зиму... Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи транспортъ, высланный 29 октября изъ симферопольскаго госпиталя, въ числѣ болѣе 1.500 раненыхъ. Въ транспортѣ этомъ, отправленномъ безъ осмотра врачей, по назначенію однихъ фельдшеровъ, оказались весьма тяжело раненые безъ зимней одежды и обуви, въ окровавленныхъ шинеляхъ и рубашкахъ и даже съ пулями въ тѣлѣ, которыхъ нельзя было вынуть по неимѣнію хирургическихъ инструментовъ. Этотъ транс-

---

[1]) Тамъ же.

портъ, испытавъ всевозможныя бѣдствія, прибылъ по назначенію 7 ноября, однако, необходимыя операціи произведены раненымъ уже только въ концѣ декабря».

Но много-ли, спрашивается, осталось въ живыхъ изъ этихъ 1.500 раненыхъ, и многимъ-ли изъ нихъ пришлось дѣлать операцію въ концѣ декабря?

На помощь севастопольскимъ раненымъ пріѣхалъ изъ Петербурга знаменитый русскій докторъ Пироговъ, который, благодаря своему необыкновенному искусству и тому вліянію, какимъ онъ пользовался, могъ кое-что сдѣлать для облегченія участи этихъ несчастныхъ, брошенныхъ безъ призора, искалѣченныхъ людей. Въ госпиталяхъ, гдѣ раненые валялись на полу, не было даже свѣжей соломы, чтобы перемѣнить грязную промоченную кровью подстилку. Когда къ Пирогову обратился одинъ изъ царскихъ флигель-адъютантовъ съ вопросомъ, «какова теперь смертность между ранеными?».—Пироговъ привелъ его въ сарай, наполненный грязной соломой изъ тюфяковъ, и сказалъ: «Сначала постарайтесь дать намъ чистой соломы, а потомъ ужъ спрашивайте о смертности» [1]).

Въ такомъ положеніи находилась провіантская и госпитальная часть во время Крымской войны. Правительство не жалѣло, конечно, денегъ во время самой войны, ибо тутъ дѣло шло о его собственномъ спасеніи; Крымская война стоила Россіи 500 милліоновъ рублей; но, во-первыхъ, ничего не было приготовлено заранѣе, а когда вспыхнула война, то многаго уже нельзя было сдѣлать; а во-вторыхъ, большая часть этихъ денегъ была разворована царскими чиновниками.

Уже послѣ войны, новый царь Александръ II встрѣтилъ у императрицы доктора Пирогова, который

---

[1]) *Дубровинъ*, т. II, стр. 349.

совершенно откровенно высказалъ ему правду о воровствѣ въ Севастополѣ. «Государь не вѣрилъ, выходилъ изъ себя и говорилъ: *неправда, не можетъ быть*, и возвышалъ голосъ. Пироговъ также возвысилъ голосъ и сказалъ: *правда, государь, когда я самъ это видѣлъ*. «Это ужасно»! воскликнулъ, наконецъ, царь и едва удержался отъ слезъ» [1]).

«Жаль добраго и человѣчнаго государя», писалъ изъ Петербурга Погодину нѣкто Савельевъ: «при всѣхъ его добрыхъ желаніяхъ, дѣло не легко поправить. А воровство его чиновниковъ! Говорятъ, въ Николаевѣ онъ ужаснулся. Разсказываютъ, что въ разные банки прислано по нѣскольку милліоновъ денегъ на имя неизвѣстныхъ изъ Севастополя, и о томъ идетъ слѣдствіе» [2]).

«Не внѣшній врагъ насъ побѣдилъ, а внутренній: наши безпорядки, неурядицы, отчасти равнодушіе общества къ общему дѣлу», такъ писалъ одинъ изъ свидѣтелей тѣхъ ужасовъ, которые происходили въ нашей арміи въ Восточную войну, Н. Соловьевъ [3]). А молодой Аксаковъ, Иванъ Сергѣевичъ, приглашенный потомъ въ помощники къ Васильчикову, чтобы вести слѣдствіе по воровству въ интендантскомъ вѣдомствѣ, такъ описывалъ наше положеніе во время войны:

«Страшная борьба. На ихъ сторонѣ наука, искусство, талантъ, храбрость, всѣ матеріальныя средства; на нашей только правота дѣла и личное мужество войскъ; остального ничего нѣтъ» [4]).

---

[1]) *Борсуковъ*, т. XIV, стр. 122.

[2]) Тамъ же.

[3]) *Скорбные листы Крымской кампаніи* «Руск. Вѣст.» 1872 г., № 9.

[4]) *Борсуковъ*, т. XIII, стр. 180.

Остального ничего не было у насъ: ни науки, ни искусства, ни денегъ, все это было загублено самодержавнымъ правленіемъ. Была только храбрость русскихъ солдатъ, и эти солдаты умирали десятками и сотнями тысячъ, безъ всякого толку. Въ такомъ положеніи трудно было долго воевать, а еще труднѣе было надѣяться на содержаніе побѣды. Послѣ пяти мѣсяцевъ постоянныхъ неудачъ и пораженій стало очевиднымъ, что мы не въ состояніи отбросить непріятеля и не въ состояніи были спасти Севастополь. Севастополь долженъ былъ погибнуть.

Самонадѣянный, ослѣпленный своимъ величіемъ Николай I не могъ вынести такого позора. Когда раскрылись всѣ бѣдствія Крымской кампаніи и обнаружилась вся безнадежность положенія, онъ внезапно умеръ 25 февраля 1855 г. Смерть его осталась загадочной, и многое заставляетъ думать, что онъ самъ принялъ ядъ.

* * *

Новый императоръ Александръ II смѣнилъ главнокомандующаго и вмѣсто князя Меньшикова назначилъ князя Горчакова, но это мало помогло дѣлу: спасти Севастополь было невозможно безъ свѣжихъ войскъ, безъ пороху, безъ правильнаго подвоза провіанта. Горчаковъ попытался было еще разъ отбить осаду и 4 августа далъ сраженіе при рѣчкѣ Черной, но онъ самъ не надѣялся при этомъ удержать побѣду. У непріятеля было вдвое больше войска, и онъ занималъ очень сильно укрѣпленную позицію на Сапунъ-горѣ. Сраженіе было кровопролитное, и мы потеряли около 8 тысячъ солдатъ, но не добились никакого успѣха. Послѣ этого послѣдняго сраженія Горчаковъ писалъ Александру II:

«...Изъ вчерашней депеши вамъ, всемилостивѣйшій государь, извѣстно уже, что наша аттака не имѣла

успѣха. На удачу я мало разсчитывалъ, но не думалъ понести столь большого урона... Огромное бомбардированіе, угрожающее Севастополю, вѣроятно, скоро доведетъ насъ до необходимости очистить городъ. Надѣюсь, что въ этой крайности мы не дойдемъ до окончанія моста черезъ бухту. Но вашему императорскому величеству надо быть готовымъ на все».

Къ концу августа 1855 г. разрушенный Севастополь, дѣйствительно, уже не могъ болѣе держаться; 27 августа, послѣ страшной бомбардировки, союзники взяли, наконецъ, приступомъ Малаховъ курганъ и тогда русскія войска отступили къ сѣверу по мосту, построенному черезъ бухту, а союзники заняли горѣвшій городъ.

Взятіемъ Севастополя война въ сущности уже окончилась. Александръ II, хотя и объявилъ всеобщее ополченіе, но не могъ надѣяться на возможность продолжать борьбу. Начались переговоры о мирѣ, которые тянулись около полугода. Наконецъ, 17 февраля 1855 г. было заключено перемиріе, а 18 марта былъ подписанъ Парижскій договоръ о мирѣ.

Согласно этому договору, Россія вернула Турціи крѣпость Карсъ и другія земли, завоеванныя во время войны въ Закавказьѣ; затѣмъ она обязалась не держать военнаго фолта въ Черномъ морѣ [1]); наконецъ, Россія должна была уступить нѣкоторыя земли при устьѣ Дуная, такъ, чтобы устье Дуная находилось уже не въ ея владѣніяхъ [2]).

---

[1]) Право имѣть флотъ на Черномъ морѣ и строить тамъ крѣпости Россія вернула себѣ въ 1871 г., во время войны французовъ съ Германіей.

[2]) Эти земли при устьѣ Дуная были возвращены Россіи послѣ турецкой войны 1877 г., взамѣнъ Добруджи, отданной Румыніи.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Кооперативное Издательское Т-во „Революціонная Мысль“,

Петроградъ, Литейный просп., д. 49, кв. 8.

На оптовый складъ издательства поступаютъ слѣдующія изданія:

Собственныя:

№ 1. Чья земля (2-е изданіе) . . . . . Ц. 15 к.
„ 2. Разсказы изъ русской исторіи—Л. Шишко ч. I-я. . . . . „ 65 „
„ 3. „ „ „ „ —Л. Шишко ч. II-я. . . . . „ 65 „
„ 4. Задачи соціалистовъ въ городскихъ думахъ.—В. Трутовскій.
„ 5. Сказъ о томъ, какъ пошли цари у насъ.—Басовъ-Верхоянцевъ.
„ 6. Разсказы изъ русской исторіи.—Л. Шишко ч. III-я.
„ 7. Что такое учредительное собраніе.
„ 8. Что такое демократическая республика.
„ 9. Всеобщее, прямое равное и тайное избират. право.—Песочинскій.
„ 10. Что такое государство.—И. К. Брусиловскій.
„ 11. Свобода слова, печати, собраній и союзовъ.—П. Сорокинъ.
„ 12. Рабочее профессіональное движеніе.—Левинъ, М. О.
„ 13. Примирительныя камеры.—В. В. Леонтьевъ.
„ 14. Фабрично-заводскіе комитеты.—В. В. Леонтьевъ.
„ 15. 8-часовой рабочій день.—Б. Вороновъ.
„ 16. Рабочая кооперація.—Б. Вороновъ.
„ 17. Заработная плата.—Е. Постникова.
„ 18. Что такое больн. кассы и для чего онѣ нужны рабоч.—В. Трутовскій.
„ 19. Какъ разрѣшить земельный вопросъ.—Н. Быховскій.
„ 20. Совѣты крестьянскихъ депутатовъ.—Н. Быховскій.
„ 21. Сельское самоуправленіе.—Савинкова.
„ 22. Что такое соціализмъ.—П. Сорокинъ.
„ 23. Какъ закрѣпить за народомъ землю.—Л. Брендстедъ.
„ 24. Кооперація и новый строй.—М. Брендстедъ.
„ 25. Истинные и мнимые пораженцы.—В. Черновъ.
„ 26. Правовое государство.—Новоторжскій.
„ 27. Революціонный словарь.—А. Михайловъ.
„ 28. Сельское самоуправленіе.—А. А. Ивановъ.
„ 29. Національная автономія.—Н. Л. Копытовскій.

Изд. Т-во „Революц. Мысль“ принимаетъ заказы исключительно оптовые, не менѣе, какъ на 100 р. Заказы удовлетворяются по предварительной подпискѣ въ порядкѣ очереди пропорціонально. Необходимы авансы. Мелкіе заказы адресовать Издательству „Кооперація“ по тому же адресу: Литейный пр., д. 49.

Пріемъ заявленій о вступленіи въ члены Изд-скаго Т-ва и паевыхъ взносовъ, равнымъ образомъ и подписка на изданія производится въ Конторѣ Изд-ства, Литейный 49, кв. 8, тел. 168-11. Паевой 25 руб., вступительный 3 руб. Каждый членъ Т-ва, независимо отъ числа паевъ, пользуется только однимъ голосомъ.

Товарищи, создавайте революціонную литературу!